

16+

ЯН (НЕ) ДЛЯ

Алиса
Гордеева

Инки

Алиса Гордеева

Ян (не) для Янки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67565250

SelfPub; 2022

Аннотация

Он обещал быть всегда рядом, но с лёгкостью вычеркнул меня из своей жизни. Дал клятву оберегать, но сейчас первым готов втоптать в грязь. Жестокий, безжалостный, грубый, он ненавидит меня всем сердцем, вот только моё, глупое и доверчивое, продолжает его любить.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Даяна	9
Глава 2. Ян	21
Глава 3. Даяна	30
Глава 4. Даяна	45
Глава 5. Ян	57
Глава 6. Даяна	69
Глава 7. Ян	80
Глава 8. Даяна	86
Глава 9. Фил	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Алиса Гордеева

Ян (не) для Янки

Друзья детства, соседи, одноклассники...

Первая любовь и обещание "навсегда".

Одно нелепое недоразумение перечеркнет все.

Они встретятся снова спустя несколько лет.

Он сделает вид, что никогда её не знал.

Она пожалеет, что до сих пор помнит его имя.

Да и как забыть, когда оно – одно на двоих.

Пролог

– Зачем приехала? – голос равнодушный и, как обычно, холодный, под стать слякоти за окном.

– Ян, – получается хрипло. В горле першит от слёз. – Посмотри на меня! Это же я.

– Ну, дальше что? – Шахов бросает беглый взгляд в мою сторону и снова зависает в мобильном.

– Ничего, – бормочу сдавленно, чувствуя, что любые слова улетят в пустоту. Хочу развернуться и убежать: моя дурацкая любовь ему не нужна. Совсем. Его же прошла. Давно. Бесследно. Да и была ли она?

– Тогда свободна, – кидает небрежно Шахов, а я не верю, что всё зря. Сжимаю кулаки, ногтями до алых отметин впиваясь в кожу. Знаю, что если уйду, потеряю его навсегда.

– Она тебе не пара, – говорю чуть громче. Хочу казаться уверенной и смелой, а сама дрожу как лист от ветра за окном.

Ян молчит, упорно копаясь в телефоне. Он и сам всё понимает. Верю. Но изменить ничего не могу.

– Помнишь, тот вечер, перед нашим последним Рождеством, – делаю шаг навстречу. Потом ещё один. И ещё. Между нами остаётся смешное расстояние. – Мы мечтали о будущем. Ты говорил, что любишь... А теперь...

– Я пошутил, – обрывает на полуслове и обжигает чернотой своих глаз. – Всё прошло, Яна. Теперь ты не в моём вку-

се!

– Пусть так, – едва сдерживаю слёзы, что скопились в уголках глаз: Шахов не увидит, как больно ранят его слова. – Пусть не со мной. Так бывает. Наверно.

Я растеряна. И хотя его признание не стало для меня откровением, оно выбивает почву из-под ног. Глубокий вдох. Пытаюсь вспомнить, зачем пришла, а после снова стучусь в закрытую дверь:

– Я просто желаю тебе счастья, Шахов! Но с ней его не будет, слышишь?

Ян безучастно пожимает плечами, а затем хлещет словами большее любой пощёчины:

– А я и так счастлив, Яна! Без тебя счастлив! – в его глазах бездонная пустота, будто внутри всё выжжено раскалёнными докрасна углями. – Уходи!

– Я тебе не верю! – к чёрту посылаю гордость и тянусь к его лицу дрожащей ладонью.

Мягкими подушечками пальцев пробегаю по колючей щеке, замирая у еле заметного, давно затянувшегося шрама. Интересно, невеста Яна знает, откуда он взялся на его лице? Шахов шумно выдыхает и на мгновение закрывает глаза.

– У тебя душа плачет! Я же вижу, Ян. Поговори со мной! Прощу. Как раньше! Помнишь?

– Как раньше, – смакует на языке мои же слова, а затем пронзает ледяным блеском равнодушных глаз. – Ничего и никогда не будет, как раньше, Яна! А теперь, пошла вон!

Мотаю головой. Нет! Время меняет людей, верно, но не настолько же!

– За что ты так со мной? – я больше не сдерживаю слёз. Какой смысл притворяться сильной, когда от собственной слабости хочется выть, а от бессилия – лезть на стену. – Ты же обещал... Клялся, что мы навсегда...

– Вон! – повторяет уверенно, пальцем указывая на дверь. Подбородок дрожит. Слёзы застыли глаза. Ноги отчаянно подкашиваются от мужской грубости и безразличия. Бросаю взгляд на уверенно вытянутую руку. Сильную. Мощную. Со слегка закатавшимся рукавом, что обнажает запястье. Чистое. Гладкое. Вот только ещё недавно на нём красовалось тату: две буквы «Я», как символ нашей бесконечности. Его больше нет. Как больше нет и нас. Сумасшедшая боль пронизывает насквозь и безжалостно выворачивает наизнанку.

– Прости, – произношу одними губами и резко бегу к выходу, путаясь в собственных ногах. Я просто дура! Просто поверила, что он всегда будет рядом.

Хлопок двери. Нас больше ничего не связывает. Беззвучно рыдаю и обессиленно сползаю на холодный пол. Это конец! В кармане нащупываю мобильный и на заученный наизусть номер отправляю короткое «Лжец», а потом стираю все контакты Шахова из памяти телефона, жаль что также просто нельзя удалить его из своей головы. Но раз Ян смог, то и я забуду. За стеной пиликает его мобильный. Сообщение доставлено - можно уходить. Но стоит подняться на но-

ги, как стены сотрясаются мелкой дрожью от дикого грохота, а после слух царапает звон битого стекла.

– Я всегда буду рядом, – раненым зверем воет Шахов, а после чуть тише: – Но твоим – никогда!

Глава 1. Даяна

За два месяца до событий, описанных в прологе.

Бегу по гранитной лестнице, перепрыгивая через ступеньки: мне никак нельзя опоздать. Первый учебный день в престижном университете, а я как самая настоящая ворона перепутала маршрутки. И стоило просыпаться на несколько часов раньше, чтобы в результате всё равно упасть в грязь лицом?

– Осторожнее, девушка! – хватаясь за перила и поправляя на переносице очки, бубнит какой-то старичок с очень важным видом, наверно, профессор. – Университет не место для бега!

– Простите, – виновато улыбаюсь, про себя передразнивая поучительный тон пострадавшего: я едва задела его плечом, так стоит ли раздувать трагедию? – В 311 аудиторию я правильно иду?

– Скорее летите! – с укором смотрит на меня пожилой мужчина, недовольно мотая головой. Что же, помощник из него никакой, увы.

Ещё раз бормочу невнятное «Извините» и, обогнав старичка, бегу дальше. Как бы нудно тот ни ворчал, опоздать на первую же лекцию – непростительно для новенькой.

С грехом пополам отыскав нужную аудиторию, замираю возле закрытой двери. Лекция началась минут десять назад,

а значит, моё появление не останется незамеченным. Мало того что из-за проволочек с документами по моему переводу я начинаю учёбу на неделю позже всех нормальных студентов, так ещё и опаздываю.

– И какой смысл было так спешить, сшибая на своём пути добропорядочных граждан, если всё равно смелости зайти не хватает? – ехидный голос пострадавшего по моей невнимательности старичка заставляет вздрогнуть. – Новенькая, верно?

– Да, – обречённо вздыхаю и, подгоняемая недовольным взглядом преподавателя по внешнеэкономической деятельности, залетаю в огромную аудиторию, где тут же становлюсь центром внимания. Внутри всё каменеет, а по спине щедрой россыпью разбегаются мурашки. Потерянная и смущённая я глупо переминаюсь с ноги на ногу, не зная, куда себя деть.

– Талеева, кажется? – голос преподавателя заставляет вынырнуть из ступора. – Вам, похоже, таки не терпится сорвать лекцию. Что же, спешу вас огорчить: нарушители порядка обычно вылетают из стен нашего университета после первой же сессии.

– Простите! – уже по привычке бормочу в ответ и занимаю ближайшее свободное место, ощущая, как горят щёки от неуёмного интереса моих новых одноклассников.

– Мухомор всегда не в духе, не обращай внимания, – шепчет соседка по парте, слегка толкнув меня локтем.

– Мухомор? – переспрашиваю удивлённо, но, видимо,

слишком громко, поскольку тут же по аудитории пробегают неловкие смешки, а преподаватель неожиданно закашливается.

– Студентка Талеева, – басит тот. – Я, конечно, понимаю, что победа в международном конкурсе застит глаза, но всё же толика уважения к нам, простым смертным, не помешает. Ещё одно слово и я забуду, почему вас перевели в наш университет.

«Мухомор» снова поправляет очки и, бросив на меня недовольный взгляд, приступает к лекции. Правда, все его слова в моей голове неминуемо превращаются в кашу: меньше всего в новую студенческую жизнь в престижном вузе страны мне хотелось ворваться с позором.

– Не волнуйся так, – снова нашёптывает соседка. – Но, если не планируешь сто раз пересдавать Мухомору экзамен, хотя бы сделай вид, что записываешь!

– Угу, – растерянно киваю и начинаю бегло скользить авторучкой по клеточкам тетрадного листа.

– Я Маша, – спустя пару минут, девчонка вновь толкает меня локтем.

– Даяна, – отвечаю как можно тише. – Но лучше просто Яна.

Последние четыре года я стараюсь не произносить своё полное имя: слишком много боли и ненужных воспоминаний приносит с собой его звучание.

– Даяна прикольнее! Словно ты американка, – хихикает

Маша, но наткнувшись на мой ледяной взгляд тут же замолкает. Симпатичная, с русыми волнистыми волосами чуть ниже плеч и глазками-пуговками она кажется немного растерянной. Как и я, моя новая знакомая выглядит весьма скромно, а изгрызенный кончик простого карандаша, что она то и дело берёт в рот, с головой выдаёт её волнение. Наверно, мы могли бы подружиться, а потому немного смягчаю свой пыл и улыбаюсь в ответ.

– Так, значит, ты к нам учиться? – тут же возобновляет болтовню Маша.

– Угу, – киваю на глупый вопрос: можно подумать, есть иные варианты.

– Угу, – передразнивает в шутку. – Здесь таких, как мы, кто пришёл учиться, в разы меньше, чем тех, кого богатые папочки устроили для того, чтобы потешить своё самолюбие. Но я рада, что в полку нормальных студентов прибыло.

Снова улыбаюсь и на миг позволяю себе окинуть взглядом аудиторию. Просторная и светлая, оборудованная согласно всем современным требованиям, она сильно отличается от тех, где я училась до этого. В нашем маленьком городишке и единственном вузе всё было гораздо скромнее.

Веером уходящие ввысь парты заполнены студентами. Чуть ниже сидят явно бюджетники: серьёзные, сосредоточенные, и по сравнению с верхними рядами весьма просто одетые. Как бы сильно их ни утомляла монотонная речь пожилого профессора, они судорожно записывают за тем каж-

дое слово, страшаь упустишь что-то важное. Но чем выше поднимаю взгляд, тем чаще встречаю более вальяжные позы, снисходительные выражения лиц и улыбки словно сошедших с обложек модных журналов девушек и под стать им парней с дерзко растрёпанными причёсками. И пока нижние ряды с азартом строчат конспекты, верхние – нагло копошатся в смартфонах или болтают, подобно Маше.

– Почему «Мухомор»? – наученная горьким опытом, спрашиваю тихо-тихо.

Старичок упоённо вещает о мировых проблемах экономики с безумно важным видом, даже не замечая, что бо́льшая часть студентов слушает его вполуха.

– Мухов Степан Леонидович – главная причина отчислений простых смертных с бюджета. Имей в виду: опаздывать нельзя, пропускать лекции тем более, а если на семинар придёшь без должной подготовки, то всё – собирай вещи и ищи место в новом вузе.

– Ого, – вздыхаю печально. И надо было так влипнуть в первый же день.

Маша пожимает плечами и хочет что-то добавить, но скрип открывающейся двери отвлекает, вынуждая перевести взгляд к входу в аудиторию.

– Степан Леонидович, добрый день! Можно?

На пороге, виновато потупив взор, замечаю миниатюрную блондинку с длиннющими, словно восковыми волосами и кукольной мордашкой. Огромные голубые глазища смущён-

но посматривают на старичка из-под шикарных ресниц, а ладошки с идеальным маникюром аккуратно придерживают дизайнерскую сумочку.

– Всё, что я сказала тебе про Мухомора, увы, относится только к простым смертным. Смотри, – Маша кивает в сторону старого преподавателя.

– Диана, конечно, проходите! – учтиво шаркает тот, расползаясь в широченной улыбке.

Блондинка звучно цокает каблучками, поднимаясь к дальним рядам, а Мухомор, не сказав больше и слова, вновь возвращается к лекции.

– Диана Бельская, – шепчет Маша, заметив моё негодующее выражение лица. – Внучка ректора и единственная дочь банкира Демида Бельского. Да-да, того самого! Ну и ещё первая красавица нашего вуза. Запомни, Яна, то, что разрешено там наверху, для нас равно отчислению.

Монотонная лекция тянется нескончаемо долго. Пытаюсь вникнуть, но глупое волнение постоянно сбивает с мыслей. Впрочем, не только оно. Маша без умолку болтает, что-то рассказывает и совершенно не следит за бурчанием Мухомора.

– Здесь свои порядки. И ничего с этим не поделаешь, – вздыхает она. – У мажоров своя жизнь, а у нас – своя. Мы после занятий бежим на подработку и ютимся в общеаге, а они шопятся и закатывают грандиозные вечеринки в элитных коттеджах.

– Ну и ладно, – шепчу в ответ. Никогда меня не привлекала подобная трата времени, да и чужая жизнь тоже. – Пусть гуляют.

– Просто несправедливо, понимаешь? Мы и учимся, и пашем, а всё равно в хвосте. А тут, имя своё назвала, ресничками взмахнула и в шоколаде.

– Зайцева! – голос Мухомора внезапно взлетает на пару октав. – Доколе вы будете бубнить параллельно со мной?

Маша, видимо, Зайцева, тут же отсаживается подальше и, расправив плечи, начинает сосредоточенно писать.

– Вот! Это и обидно! – спустя минуту шепчет едва слышно. – Бельская – Диана, а я просто Зайцева. Хотя по уму, я прямо сейчас отвечу на любой вопрос по предмету, а она... Ай, ладно!

Остаток лекции проходит в тишине. А после Маша хватает меня за руку и тащит к остальным – знакомиться. Вокруг тут же собирается целая гурьба народа: кто-то выкрикивает своё имя, кто-то спрашивает, откуда я, многие недоумевают, почему меня перевели в их престижный вуз на втором курсе, а те, кого Маша назвала мажорами, и вовсе бросают равнодушный взгляд и проходят мимо.

– И всё-таки, как так получилось, что тебя к нам зачислили? Знаешь, какой здесь конкурс на место? На дочь очередного банкира или владельца заводов-пароходов ты, прости, не тянешь, – бурчит рыжеволосый парнишка, на лице которого веснушек больше, чем звёзд на небе. Худой, высокий

и нескладный, он напоминает мне жирафа из мультика, но его недобрый, отчасти завистливый взгляд тут же заставляет занять оборону.

– Просто на умную тоже непохожа? – огрызаюсь в ответ. И почему я должна каждому встречному доказывать своё право здесь учиться?

– Зимняя сессия покажет, – угрюмо кивает рыжик, а затем острыми локтями прокладывает дорогу к отступлению.

– Не обращай внимания, – вступает с улыбкой розовощёкая девчонка с пухлыми формами. – Это Зюзя, наша местная звезда экономики. Он просто переживает, что придётся потесниться на Олимпе. А я Катя Фомина. Кстати, староста этой группы.

– Супер, – улыбаюсь в ответ.

Видимо, зря я волновалась по поводу своего перевода. Несмотря на холодный приём со стороны некоторых студентов, большая часть ребят всё же вполне дружелюбны и отзывчивы

Наверно, поэтому следующие лекции не кажутся настолько нудными и длинными, как первая, а время в компании с Машиной болтовнёй и вовсе пролетает незаметно.

– Яна, есть не хочешь? – после очередной пары интересуется девчонка.

– Хочу, – убедительно киваю. С этими нервами я и забыла, когда ела в последний раз.

Спустившись по центральной лестнице и немного поплу-

тав по коридорам, Зайцева приводит меня в столовую.

– Яна, ты сиди здесь, а я возьму нам по кофе и чего-нибудь перекусить, а то пока стоим очередь, все места нормальные займут. Идёт?

– Идёт, – киваю, осматриваясь по сторонам. Даже самая обычная столовая сегодня для меня в диковинку.

– Новенькая? – за спиной раздаётся приторно-сладкий голосок, а в нос ударяет новомодный запах дорогого парфюма. – Я Диана.

Бельская без спроса отодвигает стул и садится напротив. На лице голливудская улыбка, а в глазах – пустота, местами разбавленная отвращением. Ещё бы! Характерный запах общественной столовой открыто спорит с утончённым образом девушки.

– Яна, – отвечаю без энтузиазма, скорее, чтобы не показаться грубой.

– Я знаю, – стучит ноготками по столешнице. – Дед мне все уши прожужжал, какая ты умница.

– Не сто́ит верить слухам.

– Даже так? – Бельская внаглую рассматривает меня, но уже через мгновение, не найдя ничего увлекательного в моей заурядной внешности, теряет интерес. – И всё же, предлагаю тебе, Яна, дружить. Поверь, для тебя это может быть очень выгодно.

– Как интересно! Дедушка попросил?– наигранно хлопаю глазками и придвигаюсь чуть ближе, бесстрашно глядя в ли-

цо девицы. Её надменный вид и монотонный стук ноготков окончательно выводят из себя. – Кстати, а у нас дед кто?

– Зря ты ерепенишься, Талеева! От таких предложений не отказываются.

– Допустим, Бельская! – специально делаю акцент на фамилии девчонки. – Тебе от моей дружбы какой толк?

– Молодец! Соображаешь! Благотворительностью я не занимаюсь! С тебя по мелочи: рефераты, домашки, курсачи. Ну а я в долгу не останусь, поверь!

– Верю! Есть только одна проблема: моя дружба не продаётся, да и подачек с барского плеча мне не надо!

– Ну и дура, Яна! – блондинка как ни в чём не бывало встаёт из-за стола и, высоко задрав нос, семенит прочь.

– Чего от тебя Бельская хотела? – Маша ставит на стол поднос с ароматным кофе и тарелкой с пирожками.

– Дружбу предлагала по дешёвке, – внутри до сих пор всё клокочет.

– Шустрая. Ты, видимо, и правда талант, раз Бельская с ходу тебя оккупировала.

– О чём ты?

– А сама не понимаешь? У этой барби на уме одни салоны красоты, да дорогие бутики. Скажи, когда ей учиться? Вот и выискивает себе рабов, называя это дружбой. И всё же, мой тебе совет, с Бельской будь помягче: за ней не только бабушка и пресмыкание Мухомора.

– Но и целая армия пергидролевых красоток? – оторвав

от сосиски в тесте кусочек, в удивлении вскидываю бровь.

– Скорее, красавцев, – вздыхает Маша, и мы обе начинаем смеяться.

Сентябрь в этом году выдался на удивление тёплым. Городские улицы залиты мягким золотом заходящего солнца, что, переливаясь разноцветными красками, радостными бликами играет в окнах домов. Под ногами шуршат опавшие листья. И пускай пока их совсем немного, а деревья все ещё утопают в зелени, в воздухе уже витает медовый запах приближающейся осени.

С рюкзаком наперевес неспешно возвращаюсь домой, разглядывая незнакомые улицы современного мегаполиса. Маленькая однушка на его окраине – это всё, что у меня есть. Точнее, всё, на что хватило денег после продажи родительской квартиры в областном центре и выплаты долгов по кредитам. И как бы я ни отговаривала тётю Свету, мамину сестру, от подобных трат, ссылаясь, что вполне могу обойтись студенческой общагой, сейчас неимоверно благодарна за небольшой, но свой уголок в этом мире.

Ничем не примечательная серая пятиэтажка, деревянная лавочка у входа в подъезд и выкрашенные в зелёный стены вдоль лестницы, по которой лечу на третий этаж. Поворот ключа и я дома. Первым делом включаю свет: после аварии, что унесла жизни моих родителей, а меня на несколько лет приковала к больничной койке, я до дрожи боюсь темноты. А ещё одиночества. Оно, оказывается, умеет будить внутрен-

них демонов ничуть не хуже. Правда, об этом я узнала совсем недавно, когда переехала от тётки в этот свой новый дом.

В маленькой прихожей скидываю обувь и бросаю рюкзак, доверху набитый учебниками, включаю телевизор, чтобы создать иллюзию жизни в квартире, и ставлю на плиту чайник. Меньше, чем через час, мне нужно бежать на работу, а, значит, раскисать некогда.

Глава 2. Ян

– Котик, – Диана льнёт ко мне всем телом и острыми ноготками прокладывает дорожку вверх по моему плечу. – Мне здесь не нравится.

Мне тоже. Окраина города. Плохо освещённая парковка возле выдавшей виды забегаловки быстрого питания. Место отвратительное, но мы приехали сюда не развлекаться.

– Потерпи, Ди, – получается немного грубо, но её капризы уже осточертели. – Фил освободится и поедем ко мне.

Бельская надувает губки и обиженно отворачивается к окну, нарочито отодвигаясь от меня чуть дальше. В зеркале заднего вида ловлю насмешливый взгляд отцовского водителя: Мишаня не понимает, ради чего я терплю рядом с собой эту избалованную куклу. Посылаю ему в ответ красноречивый взгляд: мне тоже многое не по душе. Например, ездить в собственном авто на заднем сидении. Ну ничего, рано или поздно отцу надоест меня перевоспитывать, и он вернёт мне права!

– Что Фил вообще потерял в этом забытом богом месте? – ворчит девчонка, нервно елозя по кожаному сидению. – Это же рассадник нищеты и заразы! Ещё, чего доброго, подцепит там что-нибудь!

– Диана! – пытаюсь остудить её пыл.

– Что? – сердито обхватывает себя руками и бросает недо-

вольный взгляд в мою сторону. – Я неправа? Один запах чего стоит! Как вообще Фил ест эти огромные булки?

– Гамбургеры, – поправляю девушку и, склонив набок голову, улыбаюсь. – Иди ко мне!

– Да, какая разница, Шахов! – вспыхивает, задирая носик, но всё же понемногу придвигается ближе. – Хоть как ты назови это подобие еды! Ну, где же он там?

Смотрю на часы. Начало десятого: забегаловка закроется с минуты на минуту, а Фил всё не выходит. Вот уж не думал, что уговорить управляющего уволить простую официантку, может затянуться так надолго. Знал бы – ни за что не взял Бельскую с собой.

– Не думай о нём, – прижимаю паникёршу к себе, носом зарываясь в её волосы. – Ты вкусно пахнешь, детка!

– Нравится? – моментально оживляется девчонка. – Это «Диор». Мама привезла из Парижа. Я так хотела поехать с ней, ты же знаешь!

– Угу, – киваю. Бельская прожужжала все уши о своей несостоявшейся поездке. Делаю вид, что с интересом слушаю её причитания, а сам вглядываюсь в темноту: что-то Фил и правда слишком долго.

– Шахов, ты меня слушаешь? – ворчит недовольно, вновь повиснув на моём плече. – Вот скажи, где справедливость?

– В другой раз съездишь, – небрежно скольжу губами по шёлку её волос.

– Тебе легко говорить, Шахов! А я...

– А ты возмёшься за ум и всё сдашь, – уговариваю, как маленькую, хотя с решением Ильина, её деда и по совместительству ректора нашего универа, согласен на все сто: девочке пора браться за ум. – Ты у меня умница, верно?

– Издеваешься? С дедом моим сговорился? Как вы не понимаете: экономика и я несовместимы! – жалобно канючит. Вот-вот заплачет. Как же мне надоел весь этот цирк.

– А что Зюзев? – бросаю на автомате, продолжая выглядывать в темноте друга. – Вроде обещал тебе помогать?

– Зюзев твой меня раздражает, – спичкой вспыхивает Бельская. – Нет, чтобы, просто принёс реферат для Мухомора, так он мне флешку с какими-то статьями притащил. На, мол, Диана, разбирайся! Мне что заняться нечем?

Смотрю на неё снисходительно, да только Бельская ничего не замечает. Её лень и нежелание учиться изрядно надоели. Да и не только мне. Хотя, с другой стороны, красивой девочке можно и простить такую мелочь, верно?

– Яник, – ласковой кошечкой трётся у моей груди, а, значит, явно что-то сейчас попросит. – Пусть ребята с Зюзей потолкуют ещё разок, а? Объясните ему, что со мной так нельзя!

– Ладно, – киваю. Рыжий и в самом деле принаглед: получая столько денег, мог бы и посерьёзнее относиться к делу.

– Сегодня, кстати, новенькая пришла, – между прочим роняет Бельская, пальчиком выводя узоры на моей щеке. – Та самая, про которую говорил дед, помнишь?

– Смутно, – нагло вру, напрягаясь всем телом, но Диана ничего не чувствует.

– Как там её... Талеева... Даяна Талеева, – продолжает обжигать словами.

Это имя я стирал из памяти целых четыре года, но неделю назад совершенно случайно, между делом, во время ужина в доме Бельских оно раскатом грома оглушило меня, всколыхнув самые яркие и самые тяжёлые воспоминания моей жизни. Это, верно, насмешка судьбы, не иначе, раз спустя столько времени Яна вновь решила ворваться в мою размеренную жизнь.

– Представляешь, выползла из своего Мухосранска, а важности... Бесят меня такие, – раздражённо шипит Ди.

– Остынь, детка! – выдыхаю, стараясь ничем не выдать своего волнения.

– Разве я неправа, Яник? – нервы натянуты до предела. «Яник» – именно так любила называть меня она. И сейчас из уст Бельской это имя звучит как издёвка.

– Да кто она такая, чтобы нос от меня воротить? Ну ничего, прибежит, как миленькая! – продолжает ворчать Диана, доводя меня до предела.

– Не трогай её, – получается сухо, но зато Бельская сразу понимает: я не шучу.

– Это ещё почему? – подозрительно сузив глазки, сверлит меня недоверчивым взглядом. А я не знаю, что ей ответить.

Талеева Даяна – моё проклятие из прошлой жизни! Вот только знать об этом моей будущей невесте совершенно не нужно.

– Заждались? – с потоком свежего воздуха, в салон авто залетает Фил. Глаза горят довольным блеском, на лице – улыбка до ушей. Без слов понимаю: операция прошла на ура!

– Фу! – Диана морщит носик, прикрывая тот ладошкой. – Фи-и-ил, ты весь пропах этой гадостью?

– Какой именно? – Саня перекидывается через спинку переднего сидения и, еле сдерживая ухмылку, непонимающе смотрит на Диану. – Картошкой фри или хрустящими наггетсами? А может тем капучино, что случайно пролил на джинсы?

– Какой же ты противный! – цедит сквозь зубы Ди и поджимает губки, намекая, чтобы я встал на её сторону.

– Брейк! – грохочу на весь салон: только истерики Бельской мне сейчас не хватает. – Фил, что по делу?

– Нормуль! – возвращается на своё место парень и бросает взгляд на часы. – Минут через пятнадцать вылетит, как пробка! Борзому отзвонился, не переживай! Объект встретят и сопроводят до нужного адреса.

– А чего так долго возился?

– Да управляющий тугой попался. Никак не мог вспомнить, кто такой Олег Шахов, – ухмыляется Фил. – Похоже, папочка наш теряет авторитет.

Мишаня хмыкает и заводит тачку: намотал на ус и обяза-

тельно донесёт старику. Только это ни меня, ни тем более Саню давно не волнует. Дети богатых и влиятельных родителей снаружи, мы, по сути, беспризорники внутри.

В мою жизнь, полностью разрушенную четыре года назад, Фил ворвался с улыбкой и совершенно внезапно. Холодным дождливым вечером вместе со своей матерью и парой чемоводанов он в одночасье нарисовался на пороге нашего дома и больше его не покидал. Ирина Филатова, дочь известного бизнесмена, стала сладким утешением для моего отца, а её сын, Сашка или для своих Фил, – моим сводным братом, а теперь и верным другом.

Я ненавижу вспоминать те дни... Сначала развод родителей. Наш с отцом переезд. Разлука с Яной. И вишенка на торте – трагическая смерть матери. И если Олег Шахов, мой отец и на сегодня известный политик, смог найти успокоение в работе и объятиях Ирины, то моим спасением стал Фил. Белокурый гений с ангельской внешностью и характером беса. Неуправляемый, наглый, дерзкий, но до безумия преданный и чуткий. Абсолютная ненужность собственным родителям, увлечённым на тот момент своими чувствами и чем угодно, только не нами, и бесконтрольная вседозволенность не оставляли иных вариантов: мы стали друзьями, союзниками, братьями.

– О чём речь? – вмешивается в разговор Диана, дёргая меня за рукав и возвращая из тяжёлых воспоминаний в реальность. – Что вы опять задумали?

Бельская смотрит своими бездонными океанами прямо в душу, требуя ответов, но всё, что я могу, это крепче прижать её к себе.

– Да так, – отмахивается Фил, понимая, что правду знать красоте ни к чему. – Не забивай свою прекрасную голову нашими глупыми заботами, а то вдруг что-то ценное из неё вылетит. Например, забудешь дорогу до спа-салона.

– Фил! – с серьёзным видом осекаю друга, еле сдерживая смех, так и рвущийся наружу. Его неприязнь к Диане порой не знает границ. Впрочем, эта нелюбовь глубоко взаимна.

– Понял! – парень хохочет и приподнимает руки в примирительном жесте. – Молчу!

– Шахов, твой брат – придурок! – категорично заявляет Бельская. – Я передумала: отвезите меня домой. Тратить время в компании Фила – бессмысленное занятие!

И снова эти поджатые губки. Глупышка наивно пытается мной манипулировать, не понимая одного, – бесполезно. Это влюблённый по уши мужик готов безропотно выполнять любой каприз своей девушки, вот только я давно поставил крест на чувствах. Я больше не верю в любовь. Наши с Ди отношения – исключительно трезвый расчёт. И меня это более чем устраивает.

Бельская громко хлопает дверцей авто, стоит Мишане притормозить возле шикарного особняка в элитном посёлке. Девчонка обижена. Вижу. Ди явно ждала от этого вечера большего. Да и сейчас идёт медленно, зазывно виляя попкой.

Надеется, что побегу следом и всё исправлю. И, наверно, в другой раз послал бы всё к чёрту и догнал её, но не сегодня.

Фил понимающе качает головой, пока водила осторожно выруливает с парковки. Саня единственный в этом чёртовом мире знает, что сейчас творится в моём сердце.

– Ты видел её? – спрашиваю, бесцельно вглядываясь в темноту за окном.

Яна в городе уже вторую неделю, а я, как долбаный трус, не решаюсь на неё взглянуть. Боюсь. Себя. Несколько лет кислотой вытравлял её имя из своей памяти, наивно искал ей замену. И вроде даже находил. На один вечер. А утром вновь видел её образ перед глазами, слышал её звонкий смех и проклинал наше робкое «навсегда», алой раной зияющее на сердце.

– Видел, – кивает Фил и ждёт, что я спрошу что-нибудь ещё. Мучает, разжигая необъятное любопытство в груди, которое тут же стараюсь потушить. Как бы сильно я ни сходил с ума, понимаю: нельзя! Думать о ней нельзя! Видеть её опасно! Наши пути очень правильно разошлись четыре года назад. Так какого лешего, Яна снова появилась в моей жизни!

– Я не знаю, такой ли она была раньше, Шах, – втыкает острую зубочистку в моё истерзанное сердце Фил. – Но могу понять, отчего твоя крыша поехала. Моя тоже сегодня чуть дала протечку.

Прикрываю глаза и откидываю голову на спинку сидения. Что это? Судьба? Наказание? Испытание? Проверка? В лю-

бом случае чувствую, что не смогу обрести покоя до тех пор, пока Яна вновь не исчезнет с горизонта.

– Дай нам с Борзым неделю, максимум две, – Фил будто читает мои мысли. – Мы выживем девчонку из города. Это не проблема. У неё здесь никого нет. Помочь некому. А без денег и поддержки её надолго не хватит. Ну, а начнёт упираться, подключим твоего отца!

Киваю. Даю зелёный свет. А сам пытаюсь понять, кто выживет Яну из моего сердца.

Глава 3. Даяна

– Вот скажи мне, Яна, для чего будущему финансисту физкультура два раза в неделю? – недовольный голос Маши перемежается с тяжёлым прерывистым дыханием.

– Для здоровья, – бурчу в ответ, едва совладав с языком. В бок у колет, а воздуха решительно не хватает.

– Оно и видно, – горестно усмехается Зайцева, продолжая уныло бежать вдоль стадиона. – Посмотри на нас: все потные, взмокшие, пыхтим как паровозы. Здоровье так и прёт!

– Да ладно, Маш, всего 5 кругов. Полезно же! – с долей иронии отстаиваю пользу спорта.

– Допустим! – кивает Маша. – Но почему мы ради здоровья надрываемся в поте лица, а парни в это время воздух пинают!

Она небрежно указывает в центр поля, где мужская половина нашей группы изображает из себя великих футболистов.

– Вот серьёзно! Присмотрись! – не отстаёт Зайцева. – Играют единицы. Остальные черепашьими шагами передвигаются по полю, делая вид, что устали. С чего?

– Не знаю, – пожимаю плечами, хватаясь за бок, и вместо созерцания парней пытаюсь вспомнить технику правильного дыхания, чтобы отпустило. Я не бегала очень давно, да и вообще после аварии дружба со спортом у меня не ладится.

– Им ещё ума хватило Зюзю на ворота поставить. Вот умо-ра! Смотри-смотри, – позабыв про усталость, Маша прекращает бег и дёргает меня за руку, привлекая внимание к полю. – Эта рыжая каланча мяча боится как огня!

– Да скажите ему уже кто-нибудь: мяч ловить надо, а не прятаться от него! – горланит во всеуслышание, а потом чуть тише обращается ко мне:

– Нет, ты это видела, Ян?

Эмоции Маши и вынужденная остановка дают возможность немного отдышаться.

– Ну подумаешь, сгруппировался, – смеюсь, глядя, как Зюзев при виде летящего в ворота мяча закрывает руками голову, сгибаясь при этом в три погибели. – Ничего ты, Машка, не понимаешь: там у него самое ценное – мозги!

Вместо того чтобы заработать зачёт автоматом, мы глупо хихикаем над горе-футболистами, нещадно отставая от остальных девчонок из группы.

– Маш, а с кем наши играют?

Среди парней замечаю много новых лиц, которых ни вчера, ни сегодня на первых парах не видела.

– Это «управленцы», вроде, – сосредоточенно скользит взглядом Зайцева. – Да, точно. Второкурсники, как и мы.

Боль в боку немного стихла, а спина Кати Фоминой, нашей необъятной старосты, что бежала последней, скрылась из вида. Хочу намекнуть Маше, что пора бы вернуться к изнуряющему бегу, но совершенно случайно натыкаюсь взгля-

дом на парня в воротах команды-противника. Рослый, подкаченный, статный. С дерзкой улыбкой на угловатом лице и растрёпанными волосами цвета пшеничной булки. Но больше всего прочего цепляет его взгляд: слегка насмешливый и пронырливый, но в то же время не по-мальчишески серьёзный. И пусть между нами сейчас метров сто, не меньше, я не совру, если скажу, что смотрит парнишка мне прямо в глаза.

– Маш, а это кто? Там, на воротах? – меня не покидает ощущение, что этого белокурого красавца я где-то уже видела, вот только, где именно, вспомнить не получается.

Девчонка крутит головой, пытаюсь понять, о ком я говорю. А между тем блондин продолжает откровенно смотреть в мою сторону. Его внимание кажется неуместным и странным: с кулькой на голове, в бесформенном спортивном костюме и с раскрасневшимися щеками я точно непохожа на красотку, от которой не отвести глаз. Оборачиваюсь, но, кроме пустых трибун за моей спиной, ничего и никого нет.

– Ты про Фила, что ли?

– Фила? – произношу одними губами, натываясь на грустно-добродушную улыбку парня. Нет, точно, я уже встречалась с ним раньше!

– Блондин на воротах, верно? Да, это точно Фил! Сашка Филатов.

– Симпатичный, – зачем-то отмечаю вслух, хотя его внешность скорее необычная, чем привлекательная для меня.

– Не то слово, – мечтательно вздыхает Зайцева. – По нему

половина универа с ума сходит.

– Половина и только? – смеюсь, но по растерянному виду подруги понимаю, что она не шутит. Прямо сейчас я готова поклясться: Маша и сама из армии его поклонниц.

– Вторая по его брату, – пожимает она плечами уже без толики зачарованного энтузиазма в голосе.

Между тем стремительный удар мяча по воротам отвлекает Филатова от пристального разглядывания моей персоны, а мы всё же возвращаемся к беговым нагрузкам.

– Брат Филатова такой же красавчик? – решаю продолжить разговор: пустая болтовня помогает не думать, что впереди ещё целых два круга.

– Он другой, – немного туманно отвечает Маша, а потом подумав добавляет: – Нет, тоже симпатичный. Но... опасный, что ли.

– Звучит устрашающе.

– Так и есть.

Разумеется, пятый круг мы с Зайцевой добегаете последними. Все наши давно ушли: впереди семинар по внешне-экономической деятельности, а к Мухомору на пары лучше не опаздывать. Добросовестно выслушав причитания физрука о нашей с Машей лени и нерадивом отношении к физической нагрузке, мы уставшие плетёмся к зданию универа.

– Согласна променять пару у Мухова ещё на пять кругов бегового ада, – ворчит Маша, стоит нам подойти к большим металлическим дверям, что через лабиринт узких коридоров

ведут к спортивным раздевалкам.

– Я пас! – мотаю головой, на ходу раскручивая забранные вверх волосы. – Бег – не моё!

– И не моё, – соглашается Зайцева, – Просто вчера так и не успела в конспекты заглянуть. Представляешь, нанесла на лицо маску, хотела полежать минут десять, расслабиться, как белый человек, и уснула. А у Мухомора чуйка на такие вещи. Вот увидишь, сегодня обязательно спросит.

– Если тебя это успокоит: мне тоже вчера было не до зубрёжки.

– Как и я, решила выспаться? – смеётся Маша.

– Если бы..., – отмечаю с грустью в голосе. – Меня вчера уволили.

– Вот те раз, – распахнув широко глаза, Зайцева с интересом смотрит на меня. – Из той забегаловки, про которую ты мне рассказывала?

Киваю, прокручивая в голове события вчерашнего вечера. И пусть работа была не самой лучшей, да и платили копейки, зато график смен идеально сочетался с расписанием в универе, и до дома было рукой подать.

– Но почему? – в глазах девчонки неподдельное возмущение.

– Не знаю, мне так и не объяснили, – развожу руками.

– Всё равно должна была быть причина! – начинает докапываться до истины Зайцева. – Может, пожаловался кто-то? Вспоминай, были недовольные клиенты?

– Вроде нет. Всё как обычно. Хотя... – и тут меня осеняет, где я видела блондина с ворот. – Был один капризный посетитель. То ему кофе горячий, то холодный. Несколько раз подходил менять напиток, а потом ещё и пролил на себя капучино. Но за это же не увольняют, верно, я ему даже слова плохого не сказала!

– Верно-то верно, – преодолеваем последний поворот. Впереди виднеются раздевалки. – Но, знаешь, такие потом и жалуются! Им жизнь подножку подставила, а они на других срываются! Сто процентов, а-ля наш Мухомор!

– Да, нет, Маш. Вряд ли. Уверена, причина в другом. Да и там молодой человек был, – хочу рассказать про Филатова, но замечаю впереди большую компанию парней, с шумом вылетевшую из раздевалки и сейчас грозовой тучей, сметающей всё на своём пути, приближающуюся к нам. Гулкий смех, громкие шаги, басовитая наперебой речь – всё это сбивает с мысли. Закусив губу, невольно перевожу взгляд в их сторону. В единой форме красно-белого цвета они планомерно идут навстречу, увлечённо болтая между собой и во все не замечая нас.

– А вот и университетская сборная! По средам у них тренировка сразу после нашей, – пищит за спиной Машка. – Ты только взгляни, какие они обалденные! Все как на подбор!

«И с ними дядька, Черномор!» – вертится на языке, но решаю попридержать свою иронию и лишь наигранно цокаю: Машу послушать, так кругом одни красавцы. И всё же более

пристально смотрю в сторону парней.

– Ты чего застыла, Янка! – ворчит Зайцева, врезавшись в меня со всей дури. – Опоздаем же!

Но я почти её не слышу. В ушах дикий грохот обезумевшего сердца. Всё тело налито свинцом. Как рыба, выброшенная на берег, я беззвучно открываю рот, пытаюсь вдохнуть и отогнать от себя призрачное видение: там, в эпицентре толпы, я замечаю его, человека из прошлого, парня, без которого когда-то не представляла своей жизни.

Яник изменился! Стал шире в плечах. Черты лица ожесточились, по-мужски став более острыми и грубыми. От того мальчишки, что таскал до школы мой портфель, не осталось и следа. И всё же это он. Мой лучший друг, сосед, одноклассник. Моя первая любовь и первая боль. Правда, всё это осталось в прошлом. С нашей последней встречи прошло четыре года. Четыре невыносимых года! Наполненных тупой болью, преодолением себя и вселяющим ужас одиночеством.

Ян о чём-то упоённо спорит с другим парнем, что идёт рядом, и совершенно меня не замечает. Смотрю на его улыбку, то и дело озаряющую лицо, и ловлю себя на мысли, что улыбаюсь в ответ. Как зачарованная наблюдаю за мощными руками, что уверенно жестикулируют в такт спору, и ловлю взглядом его иссиня-чёрные волосы, в сумбурном беспорядке с каждым новым шагом налетающие на лоб. Отчётливо ощущаю лёгкое покалывание на кончиках пальцев: до сих пор помню, какие жёсткие и непослушные пряди Яна

на ощупь. Глазами скольжу по родному лицу: лёгкая небритость придаёт ему мужественности и серьёзности, не то что раньше... И снова не могу сдержать улыбки, вспоминая, как Яник гордился своей первой бритвой, как старательно и долго крутился у зеркала, но всё равно зачастую проигрывал острому лезвию, а я была всегда рядом с ваткой и перекисью наготове.

Вот только всё это в прошлом...

– Яна, идём! – тянет Маша, настырно подталкивая вперёд. Она даже не догадывается, сколько лет я безуспешно искала Яника, сколько бессонных ночей ждала, что найдёт меня он.

Просто видеть его, знать, что с ним всё хорошо, – ещё вчера казалось несбыточной мечтой.

Мы потерялись сразу после той страшной аварии: я попала в больницу, а его увёз отец в неизвестном направлении. Ни адресов, ни телефонов, ни единого похожего лица в соцсетях.

Мой мир, радужный и совершенный, рухнул в одно мгновение, словно карточный домик. Хотя нет, я сама разрушила его! Неуёмное любопытство и неумение держать язык за зубами повлекли за собой слишком страшные для наших семей последствия. И как бы сильно я ни сожалела о прошлом, сколько ни корила себя за случившееся, сейчас чувствую, как каждая клеточка моего тела наполняется непередаваемым счастьем и наивной верой, что теперь всё точно будет хорошо! Вот он, мой маленький лучик надежды, в бело-крас-

ной майке и шортах, прямо сейчас смело шагает навстречу.

– Яник! – звонкий крик вырывается наружу, гулким эхом отдаваясь от стен узкого коридора. Я не чувствую, как дёргает меня Машка, как десятки пар глаз мигом устремляются в мою сторону. Я вижу только его – моего Яна.

Отчаянно делаю шаг вперёд и натыкаюсь на неподвижный взгляд его глаз цвета дамасской стали! Услышал! Узнал! Как и я ошеломлён неожиданной встречей. Секундное промедление. Глаза в глаза. Душа в душу. Мы оба, кажется, не дышим, но понимаем: ничего не прошло, не забыто! Чувствую его безумное волнение на расстоянии и хочу сорваться к нему в объятия. Как раньше! Такое невозможно забыть! Но цепкие пальцы Зайцевой, до алых отметин сжимающие мою руку, отчего-то не дают сделать и шага.

– Маша,пусти! Ты чего?– пытаюсь освободиться, но девчонка испуганно качает головой.

– Янка, ты с ума сошла? Это же Шах! – затравленным зверем бормочет в ответ и сильнее дёргает за рукав, не оставляя попыток оттащить меня в сторону.

– Шах? – недоумённо переспрашиваю, а сама не могу отвести от парня глаз. Ну, конечно, Ян Шахов. Это только для меня с детства он всегда был просто Яником.

– Шахов – местный мажор и негодяй! Сотрёт в порошок и по ветру развеет!– с опаской шепчет Маша, не теряя надежды поскорее убежать отсюда. – Да не смотри ты на него так! Давно проблем не было?

Мотаю головой: Зайцева явно что-то путает! Какой мажор? Какой негодяй! Это всё глупости!

А в это время очумевшая от моего возгласа толпа, поне-много оживляется. Продолжая буравить меня пытливыми и отчасти оценивающими взглядами, парни начинают раскатисто хохотать, отпуская нелестные шутки в мой адрес.

– Вот это эмоции, Шах! Смотри, как серых мышек от тебя ведёт!

– Ха-ха, Шах – кумир убогих первокурсниц!

– А может, возьмём девочку в группу поддержки? А, пачаны? Смотрите, какая преданная фанатка! Да и голосистая!

– Не, кто на такую взглянет?

– А мы её помоем, почистим, принарядим. Что думаешь, Шах?

Грубые, пошлые слова жгучей пощёчиной опаляют щёки. Эти уроды говорят обо мне в третьем лице, словно меня здесь и нет. Голоса громкие, тошнотворные, чтобы расслышала наверняка.

Чувствую, как немеют ноги, как кровь приливает к лицу и с какой-то безотчётной надеждой смотрю на Яника. Верю, что сейчас он одним махом всех поставит на место! Как раньше! Никому и никогда он не позволял даже думать обо мне плохо!

Но Ян молчит. В его ледяных глазах – неприкрытая боль. Скулы сводит от напряжения. Неужели, он так и не смог ме-

ня простить?!

– Яник, это же я! – голос предательски дрожит. Я виновата перед ним, знаю! Вот только уже сполна искупила свои грехи!

И снова гогот и рвущие сердце на клочья тупые шутки.

– Шах, ты что знаешь её? – насмешливый голос очередного смазливого качка, оглушает своим циничным звучанием.

Всё ещё наивно жду, что Ян очнётся, обрадуется мне, а этих недалёких шутников пошлёт к чёрту. Вот только Шахов решает иначе.

– В первый её раз вижу! – словами плюёт в душу, одним махом перечёркивая всё, что когда-то нас связывало, а потом проходит мимо, позволяя своим прихвостням и дальше потешаться надо мной.

Безликими пятнами проносятся мимо незнакомые лица. Отовсюду слышатся чьи-то разговоры, чужие равнодушные голоса. Меня не по-детски трясёт, а мысли, смешиваясь с воспоминаниями, путаются, окончательно лишая иллюзий: прошлое на то и прошлое, чтобы однажды пройти. Вот только по кому-то оно порхает на пуантах, по мне же проехалось катком.

– Вот же чокнутая! – ворчит Зайцева, локомотивом прокладывая дорогу к нужной аудитории.

Её ладонь всё так же сжимает мою. Несмотря на обиду и вымороженное словами Шахова сердце, я несказанно рада, что познакомилась с Зайцевой, и мысленно благодарю дев-

чонку, что та не бросила, не отвернулась, не испугалась. Уверена, если бы не она, я раздавленная продолжала сидеть возле спортивных раздевалок, проклиная тот день, когда решилась переехать в этот город.

– Ты зачем к Шаху полезла, Яна! – не унимается девчонка.

Этот вопрос Машка задаёт уже в сотый раз, да только, как описать в двух словах едва знакомому человеку историю своей жизни, не приложу ума.

– И главное, нашла же к кому приставать! – обеспокоенный взмах руками и снова: – Ну зачем, Ян?

– Мы были знакомы. Давно. Он меня просто не узнал.

Вот и история, а я волновалась! Девять слов и вся моя жизнь как на ладони. Но на большее я сейчас просто не готова.

Чувствую, Маша не верит. Видит по моей реакции, что всё гораздо сложнее. А ещё замечает, как блестят мои глаза от застилающих обзор слёз, как дрожит подбородок, а зубы исступлённо впиваются в тонкую кожу вокруг губ, и тактично отступает. Даёт мне время прийти в себя и больше ни о чём не спрашивает.

Зато спрашивает Мухомор. Долго и нудно, докапываясь к каждому моему слову, чувствуя, что не учила, да что там, даже не открывала конспекты. Вот только старичку невдомёк: перед тем, как выиграть гранд на обучение в этом вузе, я больше года была прикована к больничной койке, где единственным спасением от одиночества и боли для меня стало

чтение профильной литературы.

– Круто! – тыкает в спину карандашом Фомина, когда Мухомор переводит своё дотошное внимание на новую жертву, предварительно поставив мне твёрдое "отлично" в журнал. – Зюзя слюной изошёл от зависти!

Кончиком простого карандаша девчонка указывает в сторону окна, возле которого набычившись сидит Митя Зюзов и недоверчиво косит на меня.

– Эх, смотри, Янка, от ненависти до любви один шаг, – хихикает Катя, намекая на рыжего парня, но заметив в моих глазах полное безразличие к происходящему вокруг, оговаривается:

– Да ладно, не принимай близко к сердцу. Я пошутила. Зюзов у нас однолюб, – вздыхает Катя с толикой лёгкой грусти во взгляде. – Одного он не понимает: скорее Мухомор поставит всей группе экзамен автоматом, чем Бельская соизволит снизить до чувств этого рыжего бедолаги.

Остаток семинара проходит как в тумане: студенты дискутируют с Муховым, Машка деликатно молчит, изредка поглядывая на меня из-под мягких ресниц, а я мучительно прокручиваю в голове слова Яна и никак не могу поверить, что его сердце превратилось в камень всего за несколько лет.

– Маш, а Маш, – не успевает Мухомор покинуть со звоном аудиторию, как возле нашей парты вырастает фигура Егора Мишина, невысокого, коренастого одноклассника, что обычно тусуется на задних рядах. – Про обещание своё

помнишь?

Зайцева притворяется, что не замечает парня и с важным видом продолжает запихивать тетради в рюкзак. Егор же, опершись ладонями о парту, не сводит с неё глаз и ласково улыбается. Не заметить его симпатии к Маше не сможет разве что слепой.

– Мишин, отвали, не до тебя! – отмахивается девушка и моментально краснеет, скрывая за стеной показного равнодушия робкую застенчивость.

– А до кого? – Мишин усаживается на парту, скрестив на груди руки.

– Вон, у Янки проблемы, – Зайцева не находит ничего лучше, чем прикрыться моим зарёванным лицом.

Егор смотрит на меня, потом на Машку, потом снова на меня, и, поджав губы, безапелляционно и громко заявляет:

– А давай при свидетелях, Маш! Если решу проблему новенькой, ты перестаёшь искать отмазки и в этот же вечер идёшь со мной на свидание.

Зайцева ещё пуще краснеет, теперь уже от пристального внимания одноклассников, которые тут же начинают толпиться возле нас.

– Зайцева, ты попала! – хохочет одутловатый очкарик с гнездом на голове и видом зазнайки.

– Да-да, теперь не отвертишься! – вторит ему наша староста.

– Егор, ты бы сначала узнал, что за проблема! А то мало

ли..., – ехидно подзуживает Зюзев.

– Я же сказал, что любую решу, значит, решу! – прерывает шквал голосов Мишин и с улыбкой смотрит на меня. – Ну, Яна, что стряслось?

Взоры всех собравшихся моментально устремляются в мою сторону в ожидании ответа. Просто супер! Высший класс! Моё разбитое сердце, того и гляди, станет достоянием целой толпы народа. Переминаясь с ноги на ногу, мысленно подбираю слова и взглядом выискиваю пути к отступлению.

– Яне работа нужна! – выкрикивает Машка. – Нормальная, а не всякие там листовки на остановках раздавать.

Выдыхаю. Точно, меня же уволили! После встречи с Шаховым мысли о работе напрочь вылетели из головы.

– Ну что, слабо, Мишин? – ерепенится Зайцева, довольно потирая ладошки. Ей совершенно точно не хочется с ним встречаться. Вот только и Егор сдаваться не планирует.

– Собирайся, зайчик мой, завтра вечером у нас романтическое свидание! – с наглым видом заявляет Мишин, скользя победным взглядом по Машке, а вдоволь налюбовавшись её насупленной мордашкой, поворачивается ко мне: – С тебя, Яна, список того, что умеешь и где уже успела поработать! И чем быстрее, тем лучше!

Глава 4. Даяна

– Ну, рассказывай! – Маша делает жадный глоток обжигающего кофе.

– Ох, ты, чёрт, как горячо! – наконец, замечает свою оплошность, виной которой стало неуёмное любопытство, затмевающее любую осторожность.

– Не работа – мечта! – не могу сдержать улыбки. Меня тоже переполняют эмоции.

Нужно ли говорить, что уже на следующий день после заключённого пари меня ждала новая работа, а Машу – планы на вечер.

Фитнес-центр «Мята», в котором отныне я числилась администратором, принадлежал семье Егора и по счастливой случайности располагался не так далеко от моего дома. Приветливый управляющий Михаил при первой же встрече ввёл меня в курс дела, познакомил с незатейливыми обязанностями и согласовал график работы, удобно сочетающийся с расписанием в универе. После замасленной кафешки это место казалось мне пределом мечтаний и залогом беспроblemной жизни.

– Егор твой просто чудо! Я так ему благодарна! И тебе! Спасибо!

Я готова прыгать от счастья, как маленький ребёнок при виде новой игрушки. Зайцева, конечно, всё замечает и гор-

деливо улыбается в ответ, ощущая и свою причастность к случившемуся.

– А как прошло свидание? – меня тоже поедает любопытство. – Ты прости меня, Машуль! Радуюсь здесь, а ты...

Мне безумно неудобно, что расплачиваться за новую работу приходится Машке, но по искрящемуся взгляду подружки вижу: она счастлива!

– Нормально всё, Яна, не переживай. Свидание как свидание. Ничего необычного, – деланно спокойно отвечает Зайцева, а саму так и порывает обрушить на меня все подробности недавнего вечера.

– Ага, оно и видно, сияешь как новогодняя ёлка! – смеюсь, аккуратно отпивая кофе из пластикового стаканчика.

– Заметно? – алые щёки девушки лишь подтверждают мои догадки.

– Ещё как! – уверенно киваю, а Зайцева воспринимает это за сигнал.

– Янка, я, кажется, влюбилась..., – потупив взор, отвечает Маша и следующие полчаса в мельчайших деталях описывает свою встречу с Мишиным.

Длинная перемена. Университетская столовая. Вокруг снуют незнакомые лица и раздаются громкие голоса. Но Машка никого и ничего не замечает. На её лице глуповатая улыбка, а в глазах – непередаваемое счастье! Она без умолку болтает, то и дело заливаясь краской. А я понимаю: именно так и должен выглядеть влюблённый человек.

– Немного тебе надо для счастья, да, Маруся? – язвительный голосок Бельской совершенно некстати прерывает наш разговор. Приложив изящную ладошку к кукольному носику, Диана возвышается над нами, с пренебрежением переводя взгляд с Зайцевой на меня, а потом обратно.

– Завидууй молча, Диана! – шипит Маша, моментально сникая.

– Чему завидовать, Зайцева? – смеётся блондинка. – Крепость пала – интерес угас. Или ты думаешь, Егор с тобой от большой любви? Глупая! Где он и где ты, Зайцева? Да, ладно! Обманываться или нет – личное дело каждого. Я по другому вопросу. Вот, держи, как обещала! Два пригласительных в «Элизиум». Теперь мы в расчёте, надеюсь?

Бельская бросает на стол конверт из крафтовой бумаги и, взмахнув шелковистой гривой, удаляется к соседнему столу за моей спиной, с сидящими за ним такими же куклами, как и она сама.

Зайцева крепко сжимает в руке билеты и моментально меняется в лице. От былой радости в её глазах не остаётся и намёка.

– Маш, ну ты чего! – пытаюсь поддержать подругу. – Нашла кого слушать! Ты всё правильно сказала: Бельская просто завидует. Ещё бы! Егор на тебя запал, а не на неё. Ну же, перестань грустить.

– Да права она, Яна. Во всём! Думаешь, почему я отшивала Мишина целый год? – Зайцева понуро смотрит на помя-

тый конверт в своих руках. – Мы разные. Из разных миров!

Улыбка, ещё минуту назад озаряющая личико Маши, безжалостно сменяется слезами, фианитовым блеском сияющими в уголках её глаз. Какая же выдра, эта Бельская! Это же надо умудриться всего несколькими словами перевернуть счастье человека на 180 градусов! Мерзкая, завистливая дрянь!

– Посмотри на нас! – продолжает Маша, всё больше и дальше загоняя себя в болото переживаний. – Обычные серые мышки. Мимо пройдёшь - не заметишь. А теперь взгляни на Бельскую и её окружение! Ухоженные, шикарные, модные...

– И пустые внутри, – хватаю Зайцеву за руку и крепко сжимаю. Не знаю, где найти нужные слова, чтобы остановить это нелепое саморазрушение.

– Когда это имело значение?

– Не говори ерунды! Если бы Егора привлекала пустая красота, он не стал бы запариваться с моим трудоустройством, да и бегать за тобой целый год тоже! Поманил бы пальчиком Диану и готово! Он не такой, Маш! Мишин твой настоящий!

– Все они такие, Янка, – огрызается Зайцева. – Это просто ты наивная! В сказки веришь. А в жизни золушки остаются золушками. Кто мы для них? Не имени, ни денег, ни возможностей. Приехали из провинции, живём в общагах или на съёмных клетухах. Вон, даже кофе и тот пьём растворимый

из автомата. Зачем успешному мальчику с блестящим будущим связывать себя с такой никчёмной девицей? Родителям показать стыдно, с друзьями не познакомишь. Так, развлечься пару дней и в утиль!

– Неправда! – верещу в ответ. – Неважно всё это: бедный – богатый, приезжий или нет! Когда есть любовь между людьми, остальное всё блекнет, Маша! Все эти дурацкие предрассудки лишь в твоей голове!

– Серьёзно? – усмехается Зайцева, пока слёзы царапают её душу.

– Конечно! – мне так хочется, чтобы она вновь начала улыбаться, поверила, что достойна большего!

– Обернись, Ян! – шмыгая носом, бесцветным голосом произносит Маша. В её глазах – стеклянная пустота, сотканная из жалости и безразмерной грусти. Мне не по себе. От её слов. От её взгляда.

– Давай же! Посмотри назад! – продолжает давить на меня Машка. – А после снова мне будешь напевать, какие мы с тобой замечательные, неповторимые, уникальные, а такие, как Бельская, – никому не нужные пустышки! Ну же!

Не знаю, откуда берётся страх, но чувствую, как мелкой дрожью он пробегает вдоль позвоночника. Предвижу, что там, за моей спиной, меня не ждёт ничего хорошего, но всё же оборачиваюсь.

– Мимо тебя Шах прошёл, потому как стыдно стало признать при друзьях, что вы когда-то вместе сидели на одном

горшке. С такой, как ты или я, стыдно! Зато посмотри, как нежно и ласково твой замечательный Шахов целует на виду у этих же уродов Бельскую! И я тебе скажу больше! Её он и дальше будет целовать, а тебя обходить стороной! А теперь скажи мне, Яна, в чём я была неправа?

Хватает секунды, чтобы сердце рухнуло вниз тяжёлым камнем. Никогда не думала, что видеть Яна с другой, будет настолько невыносимо. И вроде понимаю, что наши жизни разошлись, что всё изменилось, что он вполне мог встретить новую любовь, но всё внутри сводит в онемении: в моём сердце всё осталось по-прежнему, в нём слишком много места отведено Яну.

Как, оказывается, больно видеть его улыбку, адресованную не мне, наблюдать, как мягко и ласково он касается губами шёлка волос Бельской, как обнимает её. Крепко. Не оставляя ни у кого сомнений: они вместе. А потом целует. Чувственно, сладко, как когда-то давно целовал меня.

Его друзья или одноклассники, не знаю, толпятся рядом, и ни у одного из них не возникает желания, отпустить грубую шутку в адрес Дианы. Да, и уверена, Ян просто не позволит им это сделать. С ней у него всё иначе. С ней у него всё так, как когда-то было со мной.

Мимолётный взгляд в мою сторону. Сердце пропускает удар. Второй. Но в глазах Шахова пустота и равнодушный холод. Он ранит, только Яну всё равно. Для него я больше не существую. Меня просто нет. За эти четыре года я стала

для него чужим человеком.

– Яна, – Маша тормозит меня за руку. – Прости!

Понимаю, что смотрю в сторону Бельской неприлично долго и откровенно, но не могу себя заставить отвернуться. Уверена, Зайцева грызёт локти и боится, что снова брошусь к Шахову на виду у всех, переживает. Только не знает: дважды наступать на одни и те же грабли, я не привыкла.

Пересиливаю себя и поворачиваюсь к Маше. Она смотрит на меня настороженно и виновато. Под столом сжимаю кулаки, а на лицо натягиваю улыбку. И пусть уголки губ предательски дрожат – о моей боли никто не узнает.

– Всё нормально, Маш, – киваю девушке. – Нам пора.

Рюкзак на плечо. Нос горделиво вверх. Ни одного взгляда в сторону Яны. Я смогу. Я сильная. Перед глазами всё плывёт, а нос щиплет от подступающих слёз, но даю себе слово «забыть» и с показной лёгкостью прохожу мимо Шахова – мимо человека, который когда-то был моей вселенной.

– Расскажи мне, – просит Зайцева, не отпуская ладони. До начала следующей пары минут десять. В аудитории, кроме нас, никого. Маша не сводит с меня глаз, в ожидании подробностей, и меня прорывает...

– Мы жили с Яном в одном доме на Ломоносова. В одном подъезде. Наши квартиры располагались напротив, а двери не успевали закрываться: мы постоянно бегали друг к другу.

Воспоминания детства греют душу. Да, сегодня Шахов стал негодяем, но тогда у нас всё было иначе.

– Мне кажется, Яник был в моей жизни всегда. Я не помню дня, чтобы Шахова не было рядом. Вместе в садике, в школе, во дворе... Общие игрушки, совместные праздники и даже секции. С первого класса за одной партой... Всё на двоих, Маш! Даже имя... Помню, как требовала, чтобы все называли меня Яной, как его. И только ему разрешала говорить «Даяна».

– погоди! – вдруг вспыхивает Маша. – Шах же на четвёртом курсе. Как за одной партой, Ян?

– Из-за аварии мне пришлось забыть на время об учёбе. Поэтому я сейчас на втором, – утоляю любопытство Зайцевой и возвращаюсь к рассказу: – Отец Яна был директором литейного завода, мой – главврачом в областной больнице. Вечно занятые, всегда не дома... Зато наши мамы друг в друге души не чаяли. До поры до времени, конечно...

– Что случилось?

– Я случилась, Маша. Наивная и беспечная. Любопытная и болтливая.

– Ничего не понимаю.

– Мы учились в одиннадцатом. Начало апреля. Как сейчас помню, был урок геометрии. Я смотрела на капель за окном, наслаждаясь яркими переливами весеннего солнца в неровных сосульках, а Ян сидел рядом и постоянно бурчал, что я отвлекаюсь. У нас была цель – вместе поступить в этот самый университет. Но для этого, как ты понимаешь, нужны были крепкие знания, а я парила в облаках. Влюблённая в

Шахова, счастливая и до жути невнимательная.

– Не ворчи, Яник, я уже всё решила. Вот смотри! – переворачиваю тетрадный лист, где аккуратный чертёж подкреплён решением и развёрнутым ответом.

Ян хмурится, забавно морща нос: эта тема даётся ему с трудом, в отличие от меня.

– Всё равно, не отвлекайся! Следующий урок истории, у тебя доклад, забыла? Повтори пока.

– Точно! – поднимаю указательный палец вверх и чмокаю парня в щеку, убедившись, что учитель геометрии кропотливо проверяет тетради и совершенно не смотрит на нас.

– Даяна! – осекает Ян, а сам расплывается в довольной улыбке.

– Чёрт, Яник! Доклад! Я оставила его дома!

– Дурында, – ворчит Шахов. – Значит, завтра сдашь.

– Какой завтра! Ты что! – внутри разрастается паника. – А то ты не знаешь Кузьмину, оценку снизит и точка.

– Талеева, Шахов! – голос математика так некстати вмешивается в наш разговор. – Все сделали, раз болтаете? Ну давай, Ян, тогда к доске!

– Виталий Олегович, это я виновата, простите, – вскакиваю с места, замечая, что в тетради Шахова вместо верного решения – бессмысленный набор чисел. – Отвлекаю Яна, мешаю... А всё потому, что живот сильно болит. Можно я до медиков добежу?

– Талеева, до конца урока десять минут, потерпи!

Но этого времени мне как раз хватит, чтобы сбегать до дома и вернуться к истории.

– Вот и Ян о том же, Виталий Олегович. А мне плохо. Очень! – откровенно вру, стараясь не замечать, как Ян дёргает меня за край блузки и шепчет «не вздумай».

– Хорошо, только туда и обратно! Поняла? – учитель вздыхает и вновь обращается к тетрадям.

– Да, – срываюсь с места. Знаю, что Яник обязательно заберёт все мои вещи сам.

Наспех накинутая куртка. Шапка в кармане. Шлёная по проталинам и перепрыгивая через ручейки, несусь домой. Лифт ждать слишком долго, поэтому бегу так. Лишь у дверей вспоминаю, что ключи от квартиры остались в рюкзаке в классе. Настойчиво жму на звонок в надежде на чудо, но папа сегодня на смене, а мама до вечера у своей сестры. Тогда бегу к Шаховым. Вероника Львовна, мама Яна не работает, а запасной ключ на всякий случай висит в прихожей. Вот только дверь в их квартиру по привычке приоткрыта. А Вероника Львовна не одна.

– Моё представление об идеальном отце и нашей крепкой семье разбилось в одночасье. Помню, его крики в попытках всё объяснить, её слёзы и просьбы молчать, а ещё свою нескончаемую дрожь и первую двойку по истории.

– Ты рассказала всем? Да? – Машка смотрит на меня с нескрываемой жалостью.

– Нет, – мотаю головой. – Только Яну.

– А он?

– Сказал, что давно знал об этом, и посоветовал сделать вид, что ничего не произошло.

– А ты?

– Я не смогла, Маш. Сидеть с отцом за одним столом за завтраком, видеть маму, ничего не подозревающую... Это невыносимо было, понимаешь? Я срывалась каждый вечер... А в тот проклятый день, когда очередным воскресным утром, изображая идеальную семью, мы ехали за город, я задала вопрос отцу в лоб, вот только вместо ответа мы улетели в кювет.

Зайцева звучно прикрывает рот ладонями и, выпучив глаза, смотрит на меня с ужасом.

– Родители погибли на месте, я очнулась в стенах больницы с кучей переломов.

– Господи! – она ошарашена. – А Ян?

– С тех пор я его не видела, – тереблю в руках авторучку, отмечая, что аудитория начинает заполняться студентами. – Потом уже говорили, что, узнав об аварии, Вероника Львовна чуть с ума не сошла. Уверена, тогда и вскрылась вся правда. Родители Яна развелись, а сам Шахов уехал с отцом.

– Он что даже не навестил тебя?

– Не знаю. Несколько дней я была без сознания. Да и затем ко мне никого не пускали: моё, и без того тяжёлое, состояние усугубилось смертью родителей. А потом Яна и самого уже не было в городе.

- Но почему Шахов сейчас делает вид, что вы незнакомы? Это же глупо, Янка!
- Вот и меня до безумия интересует этот вопрос!

Глава 5. Ян

Пальцы скользят по чёрно-белым клавишам, пока мысли уносятся далеко-далеко. В прошлое. Память-зараза совершенно неподвластна порой нашим желаниям. Я уже почти не помню ни одной формулы с уроков физики, зато на отлично – каждую родинку, мелкой россыпью украшающую её спину. Давно забыл названия улиц в родном городишке, но только не нежный перезвон её тонкого голоса. Больше никогда не видеть её – это всё, о чём молил небеса, но, выходит, зря.

Сбиваюсь с нот. Мелодия летит в тартарары... Даже она сейчас напоминает о ней: если бы не Даянка с её непомерной тягой к прекрасному, музыкальную школу я забросил бы после первого же занятия там. Вся моя жизнь пропитана Яной. Или отравлена. Второе больше походит на истину.

– Дебюсси? «Лунный свет»? – Фил шаркает тапочками по паркету, привлекая к себе внимание. – Фальшивишь, брат!

– Знаю! – с грохотом опускаю крышку фортепьяно и на крутящемся стуле поворачиваюсь к Сане. – Разбудил?

– Сам как думаешь? – Фил чешет затылок, а потом наигранно зевает. – Четыре утра, Шах! Какого лешего?

Растрёпанный, помятый, парень наверняка не так давно вернулся домой после очередного клуба. Надеюсь, один!

– Не спалось, – потираю лоб и отхожу к окну.

Из нашей с Филом квартиры весь город как на ладони.

Ещё бы! Центр, элитный район, последний этаж – всё как полагается избалованным деткам влиятельных родителей, чтобы лишний раз мы не мельтешили перед их глазами, да и своим поведением не позорили депутатскую честь отца.

– Шахов, ты долбаный эгоист, – шипит Фил и встаёт рядом со мной у окна.

Вдалеке несмело загорается рассвет, алыми всполохами разрезая черноту ночи. Город играет огнями уличного освещения и куда-то всё время спешащих авто.

– Твои бессонные ночи осточертели! Согласен на завтрак в компании Бельской, только не вот это всё, Шах! – Фил смотрит перед собой, отсчитывая меня как маленького ребёнка. – Или съезжай на фиг!

– Сам съезжай! – усмехаюсь в ответ.

Чёртово пари! Мы с Филом заключили его с отцом чуть меньше года назад, когда каждый из нас хотел вольной жизни гораздо больше общей, пусть и огромной, квартиры в центре. Осталось продержаться немного, но если выиграем, получим неплохую долю в бизнесе, ну а сбежавший останется на бобах. Потому и терпим выходки друг друга.

– Да шас, – фыркает Фил, запуская ладонь в белокурые локоны. – Ещё раз разбудишь своим треньканьем, спущу твой инструмент в окно!

– Не влезет! – ухмыляюсь.

– Не вынуждай проверять, Шах!

В смазанном отражении стеклянной поверхности замечаю

его улыбку. У Фила определённо талант своим присутствием разгонять моих личных демонов. Вот только и он не всесильен!

– Ты обещал уложиться в неделю! – решаю напомнить Филу про сроки. – Идёт вторая!

– Кто ж знал, что девчонка без опыта и связей вот так к Мишину устроится, – в голосе брата скользит раздражение. Фил ненавидит проигрывать! Ещё больше – отступить от своего слова. В этом мы с ним схожи!

– Это всего лишь фитнес-центр, Сань!

– Не-е-ет, Ян, – тянет Фил. – Это фитнес-центр Юры Мишина. А он такой же упёртый, как и наш батя!

И надо же было Даяне найти работу именно в его компании. Юрий Алексеевич Мишин главный конкурент отца в предвыборной гонке и не только, а потому бравировать фамилией Шахов перед лицом его сотрудников глупо, совершенно бесполезно и даже опасно. Лишние разборки с отцом мне сейчас ни к чему.

– Давай начистоту, Шах! – Фил разворачивается и, навалившись спиной на панорамное окно, смотрит на меня. – Может, ну её, эту Даяну? Девочка вроде понятливая: ведёт себя тихо, как мышка, ни разговоров, ни сплетен, ни вопросов; тебя не преследует, на Бельскую ноль внимания. Может, пусть живёт, а?

– Пусть живёт, – мрачно киваю. – Только подальше от меня, Фил!

Как ни крути, но Даяне не место в этом вузе и городе, а тем более в моей жизни. Чем дальше мы будем друг от друга, тем больше у неё шансов стать счастливой. Да и мне легче. Иначе задыхаюсь!

– Борзый предлагает на бабки её кинуть, – немного помолчав, оглушает Фил. – Там, в «Мяте», она вечерами кассу сдаёт. И камера всего одна. Не проблема девчонку обдурить: выручку в её вещи подкинем – пусть думают, что украла. Борзого знаешь: ему такое провернуть пара пустяков.

Предложение пацанов кажется диким: с подобным послужным списком Янке потом и вовсе не устроится нормально ни у нас, ни в родном городе. С другой стороны, это может кардинально решить проблему.

– Молчишь? Вот и мне расклад не по душе, Шах! – Фил отталкивается от окна и нервно вышагивает по комнате. – Одно дело, если после этого Мишин её просто турнёт, другое... Это же статья, Шах! Понимаешь?

Понимаю. И что риск огромный, и что по-свински это по отношению к Даяне, но жалость в голосе Фила, граничащая с едва заметной симпатией к девчонке, сносит крышу.

– Ну чего ты молчишь, Шахов? – остановившись напротив, взрывается Фил, подтверждая мои догадки. – Такая твоя расплата за многолетнюю дружбу, да?

– Жалко её стало? – спрашиваю в лоб. – Или просто съехать хочешь?

– Дурак ты, Шах! – горланит Фил, вскидывая руки. – Я

обещал, значит, сделаю. Вот только не мне потом с этим жить, а тебе!

– Мне надо подумать, – бросаю в ответ и удаляюсь в свою комнату, нарочно задев Филя плечом.

Бессонная ночь даёт о себе знать: настроение ни к чёрту, голова чугунная. Монотонные лекции проносятся мимо, слова пацанов сливаются воедино. Шум. Толпы студентов. Очередная тренировка. Всё это как будто не со мной.

Перебираю в голове слова Филя и предложение Борзого. Идиотская затея подставить Даяну мне нравится всё меньше. Может Саня и прав, и мне стоит оставить Яну в покое. Её расписание знаю назубок, а потому минимизировать наши случайные встречи в стенах универа – не проблема. А больше пересекаться нам негде.

Запах выпечки и дешёвых котлет ударяет в нос. Бренчание ложек, звон посуды. Университетская столовая – уникальное место: все морщатся от тошнотворной и въедливой вони, но всё же каждую перемену оккупируют свободные столики. Наш – свободен всегда. В дальнем углу, возле окна... Здесь исключительно свои.

– Шахов! Очнись! Я, вообще-то, с тобой разговариваю! – Бельская елозит на моих коленях и постоянно о чём-то болтает. Мелирование, колорирование, балаяж, омбре... Эти слова для меня пустой звук. Но Диана уверена, что понимания именно этих терминов мне недостаёт в данный момент.

– Да, детка, – зарываюсь носом в её волосы. Они доро-

го пахнут и до безумия приятны на ощупь. Бельская знает мои слабые места и нарочито придвигается ближе. Напротив, снисходительно улыбаясь, развалился Борзый. А рядом с ним несколько девчонок – подруг Дианы.

– Ты тоже считаешь, что пепельный блонд уже неактуален? – мурлычет Ди, мелодично отклоняя голову немного назад и погружая меня во всё большую эйфорию.

– Пепельный кто? – мой слух даёт сбой, зато в глазах друга замечаю бесящий огонёк сарказма. Ни Фил, ни Боря не понимают, почему я терплю закидоны Бельской.

– Блонд! Ну, котик, соберись! Я же для тебя стараюсь! – капризничает на публику, а у самой от удовольствия закрываются глазки. Борзый хмыкает, вынуждая меня показать ему средний палец: Ди, может, и тупая, зато отлично знает, как выбивать из моей головы образ Яны.

– Умница, – бормочу, прижимая Бельскую ещё ближе, и ловлю на себе завистливые взгляды её подруг, что откровенно пожирают меня глазами.

Я отличный актёр. Все вокруг верят, что я до беспамятства влюблён в Диану. Впрочем, ещё две недели назад мне и самому удавалось обманываться.

– Шах, пошли уже! – лыбится Борзый, резко поднимаясь с места. – Пять минут до звонка.

– Может, пропустишь? Что у вас сейчас? – ладошки Бельской мягко скользят по моей шее. – У нас окно. Могли бы ещё побыть вдвоём!

– Блин, Диан, это ты называешь «вдвоём»? – Боря обводит взглядом переполненную столовую и дико ржёт. – Шах, научи свою девочку считать до двух!

Диана напрягается всем телом, обиженно стреляя глазками: ждёт, что заступлюсь. Но я сегодня торможу не по-детски. Бельская фыркает и моментально соскакивает с меня, лишая своего тепла.

– Борь, ты неправ! – поднимаюсь следом и, закинув руку на плечо Ди, бегло целую ту в макушку. – Не обращай внимания, Борзый тупо завидует, что ты со мной!

Диана ожидаемо ведётся и тут же расслабляется.

– Малышка, прости, – замаливая ошибку Борзого, губами веду дорожку к уху девушки. – Важная пара. Мне пора!

– Шах, давай через деканат, – цедит Боря, пока мы коридорами плетёмся к нужной аудитории. – Мне студенческий забрать. Дело пяти минут! На свою важную лекцию не опоздаешь!

Борзый снова ржёт, довольный едким замечанием. Серьёзным этот парень бывает только дома, на ковре у бати, за очередную выходку. Сын прокурора, Боря Веселков, своим задорным и неугомонным нравом явно пошёл не в сурового и занудного папашку. Вот и сейчас подкалывает меня, понимая, что никакой важной лекции у нас нет, и то была просто отмазка для Бельской. Киваю, легко сворачивая в противоположную сторону.

Присутствие Яны я чувствую даже раньше, чем замечаю копну каштановых волос и слышу знакомый голос. С огромным рюкзаком наперевес, в растянутом свитере, небрежно спадающем с одного плеча, она так некстати оказывается на моём пути. Что-то увлечённо рассказывает своей подружке, которая постоянно рядом, и совершенно не смотрит перед собой. Хрупкая, нежная, красивая... Каждый её шаг навстречу отдаётся нестерпимой болью в сердце. Каждое слово мучительным ядом разливается по телу.

– Шах, не тормози! – упирается в спину Борзый. В отличие от Фила, Боря понятия не имеет, что связывает меня с Яной, а потому смотрит на неё, как на очередное развлечение, мой каприз, мою неуютную игрушку. – Опа! А вот и наша куколка!

– Заткнись! – цежу сухо, не в силах отвести взгляда от Даяны. За эти годы, что мы не виделись, она почти не изменилась. Всё тот же задорно вздёрнутый нос, насквозь пробирающие своей кристальной чистотой голубые глаза, и эта улыбка... Открытая, ласковая, настоящая... Но отныне не для меня!

– Лады, – роняет Борзый. – Любуйся. Я скоро.

Парень хлопает меня по плечу и скрывается за массивными дверями деканата. Яна же, ничего не замечая вокруг, подходит ближе.

Шаг. Второй.

Стою недвижимо на её пути, хотя понимаю, что совершаю

ошибку: нам не следует пересекаться даже так, случайно.

Третий. Четвёртый.

Яна заливисто хохочет, придерживая подругу за плечо. А я по-чёрному завидую той: меня Даяна больше никогда не коснётся так запросто и любя. Всё, что осталось в моём арсенале – жалкие осколки памяти. И те я старательно вымываю из сердца.

И снова шаг.

Ещё немного и глупая пташка влепится в меня со всей дури. Мне бы отойти! Пока не поздно. Пока Яна меня не видит. Но дикое желание хотя бы так ощутить её рядом, напрочь выбивает из головы все мысли.

– Под ноги смотри! – своим рыком оглушаю пространство вокруг. В нос бьёт летний аромат полевых цветов. Неброский, неяркий, но нагло вгрызающийся в моё сознание и оставляющий нестираемые следы в памяти. Привет, новые бессонные ночи!

Внутри тут же всё сводит от её тепла, что всего на миг соприкасается с моей истерзанной душой. Яна испуганно отскакивает в сторону. Смотрит на меня, широко распахнув глаза. Не ожидала. Не знает, как себя вести. Наученная нашими прошлыми встречами, ожидает, что я сделаю первый шаг. И я не заставляю себя ждать.

– Чего уставилась? С дороги уйди!

Делаю решительный шаг вперёд, грубо отталкивая девчонку с пути, а потом иду в никуда: какая к лешему теперь

может быть лекция!

Длинные коридоры однообразно сменяют друг друга, под ногами горит земля. Глубоко дышу. Хочу вытравить из лёгких её аромат. Но он, сука, въедливой кислотой прожигает сознание. Впереди замечаю приоткрытое окно. Сейчас мне позарез нужен глоток свежего воздуха! Подхожу ближе и, настежь распахнув створку, жадно дышу.

Вдох-выдох!

Вдох-выдох!

Бесцельно смотрю вперёд. Первый этаж – университетский двор как на ладони: жёлто-красная листва на асфальте, одинокие скамейки вдоль тротуара и вечно куда-то снующие студенты. На парковке возле входа подмечаю серебристый «БМВ» Фила и самого парня стоящего рядом. В отличие от меня, у Сани нет никаких проблем с правами, да и не только с ними. Он кому-то машет рукой, а затем бодро пружинит навстречу. Без особого интереса наблюдаю за его телодвижениями: у Фила каждый второй в этом вузе в друзьях. Вот и сейчас он беспечно жмёт руку какому-то очкарику и, дружески хлопая того по спине, с улыбкой о чём-то триндит.

Хочу уже закрыть окно и, возможно, вернуться на лекцию или наплевать на всё и уехать домой, но краем глаза вновь замечаю Яну. Она вылетает во двор и, как и я, втягивает прохладный воздух полной грудью. Глаза прикрыты, голова приподнята к небу. Ветер беспечно играет в её волосах, а золотые лучи солнца, несмело просачиваясь сквозь листву, лас-

ково скользят по алебастровой коже. Какого чёрта, она такая красивая? Как оголтелый убеждаю себя отвернуться, захлопнуть окно и уйти! Но сердце и разум настойчиво отказываются работать в связке. Даю себе минуту, чтобы запомнить её образ и мысленно попрощаться с ним. Навсегда. Но у судьбы на нас иные планы.

Яна открывает глаза и немного растерянно осматривается по сторонам. Среди кучи других лиц её взгляд останавливается на Филе, а уже через мгновение девушка смело подходит к нему. Что-то говорит. Заправляет выбившуюся прядь волос за ухо. Мило улыбается.

Фил смотрит приветливо, отвечает. Смеясь, нечаянно затрагивает Яну за руку. Она не отпрыгивает. Ей это нравится! Я вижу по её глазам! По расслабленной позе! И долбанным улыбкам на лицах обоих...

Они просто говорят, но я в эту самую секунду ненавижу весь мир!

– Фил! – телефонная трубка прирастает к уху, пока взглядом продолжаю пожирать голубков.

– О, привет! – Саня с лёгкостью отвечает на вызов, а сам не сводит глаз с Яны. Интонация его голоса насмешливо непринуждённая, словно не он прямо сейчас предаёт моё доверие.

– Я принял решение! – рычу, сходя с ума то ли от ревности, то ли от обиды. Неважно.

Про себя отмечаю, что улыбка спадает с лица парня. Он

чуется по голосу, что я скажу дальше. Суетливо оглядывается, затем смотрит на Яну и, качнув головой, отходит в сторону.

– Не надо, Шах! – в голосе брата сквозит тревога. Интересно, за себя? За меня? Или уже за неё?

– Иначе я не смогу, Фил! – говорю прямо. – Просто не вынесу. Действуйте! Талеева должна покинуть этот город раз и навсегда!

А потом отключаюсь, с грохотом закрывая окно.

Глава 6. Даяна

Согреваемый сентябрьским солнцем воздух пропитан прелым запахом листвы и нескончаемой грустью.

Делаю глубокий вдох. Мне нужно найти себя! Перестать думать о Яне и прекратить искать причины его жестокости...

И снова вдох. Казаться сильной и безразличной очень трудно, когда внутри всё стонет от непонимания и чужой грубости.

Моя глупая тоска и детская влюблённость в Яна тонут в бесконечном желании его забыть. Наверно, Маша права – мы разные! Теперь разные! Из обычного мальчугана по соседству Шахов превратился в избалованного и высокомерного придурка, которому не с руки общаться с обычной девушкой. Без имени, денег, связей... Пока я всячески берегла в сердце крупицы его любви, Ян с лёгкостью вычеркнул меня из своей жизни, как наименее рентабельный проект.

Открываю глаза и осматриваюсь, откладывая мысли о Яне на потом. Сейчас мне нужно найти Филатова – того странного парня из кафе.

Лучший «управленец» с курса, спортсмен и просто, по словам проректора по воспитательной работе, отличный парень (в чём, правда, у меня есть сомнения) должен стать моим партнёром на межвузовской конференции.

«Твой острый ум и яркая харизма Филатова приведут нас

к победе!» – мечтательно напевал с утра Марк Вениаминович, уговаривая взвалить на плечи ещё и эту повинность. А я, глупая, согласилась.

Филатова среди прочих я моментально выискиваю взглядом. Светлые волосы, обворожительная улыбка и фигура Аполлона выгодно выделяют его среди серой массы студентов. Такой же мажорчик, как и Шахов: вальяжная поза, в ладони брелок от авто, да и одет с иголочки. Наспех поправляю свитер, что так некстати вновь скатился с плеча, и не оставляю себе времени на раздумья – уверенно подхожу ближе.

– Привет! Я Даяна, Марк Вениаминович..., – чеканю заготовленную заранее речь, но парень меня прерывает на полуслове.

– Даяна, – повторяет немного задумчиво, сбивая с мысли. Буквально на миг с его губ испаряется любое подобие улыбки, а взгляд битым стеклом царапает кожу.

– Даяна Талеева, – вмешивается в разговор стоящий рядом парнишка в очках. – Это тебя Марк вместо Зюзи к нам прикрепил? Привет! Я Гоша!

– Привет! – улыбаюсь. Рада, что мне не придётся ничего объяснять Филатову самой. Его пристальный взгляд меня откровенно смущает.

– Ты, Фил, лицо стенда, – очкарик же ничего странного не замечает и пытается донести суть до Филатова, который хоть и вернул на место дружелюбную улыбку, всё равно кажется каким-то отрешённым. – Даяна – мозги, а я – ваш личный

технический гений.

– Привет! – отмирает блондин. – Я Фил, а это Гоша. Он отвечает за техническую составляющую проекта.

– Я уже поняла, но спасибо, что ещё раз объяснил, – невольно начинаю смеяться: мои мозги в этой компании точно лишними не будут. Саша хмыкает в ответ.

– А где Зюзов? – он старается выглядеть непринуждённым, но я чувствую, что моя компания его напрягает. Я совершенно не вписываюсь в его представление о прекрасном, а потому даже стоять со мной рядом на виду у всех ему явно неловко. Ещё бы! Как там Маша говорила: первый парень на деревне и я неизвестно кто и откуда, внезапно свалившаяся на его светлую голову.

– Саня, а ты сам подумай! – Гоша разводит руками. – Если на стенд выставить Зюзю, народ при виде его рыжей недовольной морды разбежится. Так себе реклама вуза выйдет, согласись! А тут, – очкарик смотрит на меня поверх стеклашек, – два в одном: и ум, и красота! Марк верно придумал!

– Согласен! – решительно отзывается Филатов и невзначай затрагивает меня за руку. – Сработаемся, Даяна!

Совершенно ничего незначущий мимолётный жест, но место касания тут же начинает гореть огнём, как, впрочем, и щёки. Находиться рядом с Филатовым – заведомо привлекать внимание окружающих. И сейчас, уверена, не одна пара глаз с любопытством разглядывает меня.

И пока я усиленно борюсь со смущением, Гоша, не те-

ря зря времени, начинает рассказывать, где будет проходить конференция, что требуется от меня, от Саши. Филатов кивает, порой смягчая речь парня своими лёгкими шутками и незамысловатыми комментариями. А потом и вовсе отходит от нас, чтобы ответить на звонок.

– Фил парень неплохой, но неорганизованный, – кудахчет Гоша. – Поэтому, Даяна, давай договоримся...

– Яна, – зачем-то смотрю на широкую спину Филатова и совершенно бесцеремонно перебиваю Гошу. – Зови меня Яной, пожалуйста.

– А, да без проблем! Так вот, Яна, смотри...

Местный технический гений продолжает увлечённо рассказывать мне об уже проделанной работе и о том, что только нам предстоит, а я зачем-то неотрывно смотрю на Филя.

Его былая улыбка испарилась безвозвратно, взгляд померчнел и кажется тяжёлым, скулы напряжены – у парня точно что-то случилось. Умом понимаю, что это совершенно не моё дело, но стоит Саше убрать мобильный в карман, уверенно шагаю навстречу.

– У тебя всё хорошо? – лезть в дела посторонних людей – не в моих правилах, но и оставаться безучастной сложно.

– А у тебя? – выплёвывает парень, шумно выдыхая. Его голубые, цвета горного озера, глаза затягиваются коркой льда. Отрешённый, холодный, потерянный, Фил меня пугает, но не отталкивает. Скорее мне становится его нестерпимо жаль. За личиной безразличного мажора скрывается ра-

нимый парень со своими проблемами и переживаниями.

– Нормально, – пожимаю плечами. Понимаю, что Саша не ждал ответа, просто пытался поставить на место, чтобы не лезла не в своё дело. Вот только порой я бываю слишком упёртой. – Я могу помочь?

– Серьёзно? – он ухмыляется. Подходит ближе. Взгляд наглый, надменный. Бесит! И какого лешего я решила быть вежливой с ним?

– Ну да! – нос кверху, голос уверенный. Каким бы ни был итог нашего разговора, я хочу завершить его достойно.

– Ты знаешь, кто я? – костяшкой указательного пальца Фил задумчиво проводит по своим губам. Боже, сколько высокомерия в этом его жесте и пристальном оценивающем взгляде! Пожалуй, я поспешила назвать Филатова ранимым!

– Придурок, что устроил разборки в кафе, где я работала? – я тоже умею кусаться! – Или местный избалованный мажор, мающийся ерундой от скуки и прожигающий деньги своих родителей? Нет! Точно! Ты офигительно горячий красавчик, от которого без ума половина универа? – наигранно обмахиваюсь ладонями, словно таю льдинкой на солнцепёке. – Всё? Или я что-то упустила из вида?

Филатов начинает заливисто хохотать, привлекая всё больше и больше внимания к нам. Вот мне урок: держать при себе свою дурацкую жалость и вечно болтающий лишнее язык!

– Всё так, Даяна! – внезапно замолчав, говорит он негром-

ко, вкрадчиво, заставляя вслушиваться в каждое слово. Потом подцепляет пальцем ворот моего свитера, в очередной раз слетевший с плеча, и медленно тянет его наверх, возвращая на место. – Сработаемся!

– А что, если нам забуриться куда-нибудь в кофейню, перекусить и обсудить всё спокойно? – Гоша появляется очень вовремя, разбавляя непринуждённым голосом повисшее между мной и Филатовым напряжение.

– Прямо сейчас? У меня ещё одна пара, – мотаю головой. По кофейням разгуливать мне некогда и не на что. Сразу после занятий нужно спешить на работу. Да и Маша ждёт в холле у расписания.

– Прогуляй, делов-то, – пожимает плечами Саша, а потом смотрит на Гошу. – Можно в «Кофеин».

– Давай, – соглашается технический гений, напрочь игнорируя моё замечание. – Там и кофе отменный, и официантки – отпад. Кстати, у них там новая девочка-бариста: ребята говорят – куколка!

– Ну, всё, решено! Идём! – Фил небрежно подмигивает Гоше и по-свойски обнимает меня за плечи, приговаривая: – Никуда твои пары не убегут, Даяна!

– Нет, идите без меня! – понимаю, что со стороны напоминаю зануду, но лучше здесь и сейчас расставить все точки над *i*. Упрямо упираюсь пятками в асфальт, тормозя шальной порыв Фила. – Я не могу! Сказала же!

Кручу головой, хочу вернуться в здание универа, но на

пороге последнего замечаю массивную фигуру Яна. С нездоровым блеском в глазах Шахов негодуяюще смотрит в нашу сторону, мечась взглядом от меня к Филу и обратно.

И пока Гоша монотонно втирает о целесообразности принятия кофе всем вместе, дабы наш союз стал крепким не только в плане умственном, но и подкрепился дружеской составляющей, Фил оборачивается следом за мной, моментально обнаруживая причину моего ступора. Его ладонь, небрежно лежащая на моём плече, тут же напрягается, а беспечная улыбка вновь соскальзывает с лица. Филатов смотрит в одном со мной направлении и зачем-то сильнее притягивает к себе. В любой другой ситуации я бы давно скинула его руку, наградив наглеца парой ласковых и не очень эпитетов, но сейчас, плаваясь под взглядом Шахова, благодарна Филу.

– Я передумала, пошлите в ваш хваленый «Кофеин», – отворачиваюсь от Яна и как можно естественнее улыбаюсь Гоше, склонив голову к Филу. Уверена, со стороны мы с Филатовым сейчас выглядим как пара если не влюблённых, то как минимум хороших друзей. Явственно ощущаю, как горит спина от взгляда Шахова и не могу остановиться.

– Саша, ты что передумал? – смотрю на парня, как на лакомый кусочек, и дрожащими пальцами убираю с его волос воображаемую пылинку.

Филатов наконец отмирает, медленно возвращая внимание ко мне.

– Безрассудство на грани глупости, – заговорщицки шеп-

чет, а у самого в глазах бесенята танцуют дикие пляски. – Что может быть лучше, а Даяна?

Знаю, что глупо! Но слова Филатова бьют в самую цель. Даже не верится, что мы знакомы всего десять, от силы пятнадцать, минут. Закусив губу, еле сдерживаю улыбку и утвердительно киваю. Указательным пальцем Саша игриво щёлкает меня по носу и качает головой, однозначно что-то замышляя. А потом, не выпуская из своих медвежьих объятий, начинает идти за Гошей, спасая от тяжёлого взгляда Шахова.

Несколько часов в кофейне за углом проносятся как одна минута. Увлечённые проектом и одурманенные ярким ароматом арабики, мы бесконечно спорим, смеёмся и снова спорим. Каждому хочется привнести в общее дело что-то своё и не ударить в грязь лицом. Мне удаётся на время забыть о Шахове, выкроить секунду, чтобы отправить Маше извиняющийся смайлик, и взглянуть на Филатова под иным углом.

И всё-таки я была права: внешне холодный и избалованный, внутри парень совершенно иной. Цельный, любопытный, местами дотошный и безумно увлечённый делом. А ещё симпатичный. Очень. И весёлый. Манерой разговора, шутками, да даже жестами он мне отдаленно напоминает Шахова из далёкого-далёкого прошлого.

– О чём задумалась, Даян? – Фил будто случайно перехватывает мой взгляд, мимоходом отпивая из чашки кофе. А я ловлю себя на мысли, что позволяю парню называть ме-

ня полным именем. Странно, но из его уст «Даяна» совсем не раздражает.

– Мне на работу пора, – вздох сожаления, но не говорить же малознакомому парню о своих наблюдениях.

– Где ты работаешь? – не отрываясь от планшета, бубнит Гоша – наш трудолюбивый муравей, что без всяких возражений в сотый раз вносит изменения в проект.

– В фитнес-центре, администратором, – не без гордости в голосе отвечаю парню.

– Я отвезу, – бросает Фил и достаёт из кармана пару купюр, в сумме явно превышающей стоимость всего заказа. – Мне по пути.

Тоже тянусь за рюкзаком и, нащупав кошелёк, судорожно подсчитываю в уме: хватит ли у меня с собой денег. Каким бы крутым парнем ни был Филатов – за себя я привыкла платить сама.

– Не унижай меня перед Гошей, – шепчет Фил, наклонившись ближе. Его тяжёлая ладонь накрывает мою, в которой сжимаю потрёпанный портмоне. – Он меня уважать перестанет, если увидит, что позволил тебе заплатить.

Хочу отстоять своё право быть независимой и самостоятельной, но натываюсь на грустный умильный взгляд парня, так откровенно напоминающий рыжего котяру из популярного мультфильма, что, позабыв про всё, снова начинаю смеяться.

Филатов помогает выйти из-за стола, толкает лёгкую на-

путственную речь Гоше и, подхватив меня за руку, уверенно ведёт к университетской парковке.

Стоит нам оказаться на улице, как настроение Филадельфия тут же меняется: из болтливой и шумной шутника-нахала он мгновенно становится задумчивым и серьёзным. Не говоря ни слова, мы минуем несколько десятков метров и сворачиваем к зданию университета. Впереди виднеется парковка, усыпанная автомобилями самых разных мастей, а чуть левее, через дорогу, автобусная остановка.

– Мне было приятно с тобой и с Гошей провести время, – наконец решаюсь нарушить тишину. – Но я лучше на маршрутке, ладно?

Слегка притормаживаю, чтобы свернуть к пешеходному, но Саша крепко держит за руку и отпускать не спешит.

– Я же сказал, что довезу, – заметив недоумение на моём лице, пожимает плечами парень. – Мне по пути, Даян!

– По пути куда, Саш? – я отлично помню, что не называла ни адреса, ни названия центра. – Ты же даже не знаешь, где я работаю?

Взгляд Филадельфия, до этого сосредоточенный и задумчивый, наполняется тревогой и суетой.

– Не знаю, – кивает он, рассматривая кирпичную стену универа. Правда, его замешательство уже в следующую секунду сменяется смешком и игривым выражением лица: – И что с того? Главное, что ты знаешь! Знаешь же? Или забыла?

– Знаю, конечно, – смешливо фыркаю. Смотреть на Фи-

латова серьёзно невозможно. – Без обид, Саш, но мне будет комфортнее на общественном транспорте. Да и дурацкие сплетни нам ни к чему.

Едва уловимо киваю в сторону университетского двора, где, как обычно, толпятся студенты. И если я для них интереса не представляю, то вспоминая Машины слова о звёздности Филатова, становиться объектом завистливых взглядов и пересуд, не хочу.

– Даяна, скажу по секрету, это ты поздно спохватилась. Боишься сплетен – не подходи ко мне ближе, чем на пять метров, а теперь, – Фил указывает подбородком на наши переплетённые руки, – поздно пить боржоми. Мы повязаны! Крепко! Не отвертисься!

Резко выдёргиваю ладонь: что на меня вообще нашло? Знаю его пару часов, зато наслышана достаточно! Каким бы хорошим Фил ни казался, он всё же совсем из другого теста. А одного мажористого придурка в моей жизни более чем достаточно.

– Пошутили и хватит, – бурчу растерянно, а затем резко отхожу назад. – Мне пора! Удачи!

Разворачиваюсь и спешу прочь.

– Это тебе удачи, Даяна! – доносится в спину голос Саши. А потом чуть тише: – Она тебе пригодится!

Глава 7. Ян

Слоняюсь по квартире, как неприкаянный. Меня ломает. Выворачивает наизнанку. Всё больше понимаю: нам не ужиться в одном городе с Яной. Никогда! Как и в одной квартире с Филом. Свернуть пацану шею – это меньшее, что хочу сделать прямо сейчас.

Снова закипаю! Воспоминания калёным железом плавят мою волю: какого чёрта Филатов творит? Зачем будит во мне монстра своими играми? Хотя ходить по лезвию – любимое занятие Сани. Иначе он не может. Иначе подыхает со скуки! И всё же... сегодня он перешёл все границы!

Мне нужно немного остыть! В противном случае сорвусь! Наделаю глупостей, за которые сам себя потом не смогу простить. Плетусь в ванную и жадно умываюсь ледяной водой. До зубного скрежета. До боли в онемевших пальцах. Но в памяти вновь и вновь всплывают их улыбки, его рука на её плече, её тонкие пальцы в его волосах. Это мой личный ад!

Наклонившись над раковиной, смотрю на своё отражение в огромном зеркале на стене. На кого я стал похож? Рожа холеная, надменная. Идеальная стрижка, нахальная улыбка и взгляд холодный, бездушный. Даже капли воды и те в ужасе спешат скатиться. Сволочь, подонок, расчётливая мразь! Вот кем я стал!

Смотреть на себя тошно, а потому с размаху заряжаю ку-

лаком в своё отражение! Где тот парень, который умел мечтать, хотел перевернуть этот долбанный мир и всегда быть рядом с Яной? Его больше нет! Четыре года назад его сломали и списали за ненужностью...

Кулак обжигает боль. Белоснежные стенки раковины тут же покрываются каплями алой крови. А чёртово отражение идёт уродливыми трещинами, так похожими на те, которыми испещрено моё сердце.

Из ступора выводит мелодия мобильного. На экране ещё одна лощёная физиономия – отец. За эти годы он изменился не меньше моего. Стал более жёстким, замкнутым, циничным. Но мне ли его винить?

– Да.

Рывкаю, глядя на своё отражение в осколках стекла. Громкая связь. А внутри новая порция напряжения: Олег Шахов редко звонит просто так.

– Здравствуй, сын! – голос ровный, спокойный. А потом тишина, как немой укор, как гнусное напоминание, что он ничего не забыл.

– Звоню напомнить о воскресном ужине, Ян, – ни тебе «как дела», ни тем более «рад слышать». Мы не виделись, наверно, недели три, но разве для отца это повод?

– Буду, – отвечаю сухо, под стать собеседнику.

– Ирина и я рассчитываем на вас с Александром, – ощущение, что говорю с автоответчиком какого-то левого банка. Там тоже всё вежливо, водянисто, ни о чём.

– Я буду. За Фила не ручаюсь, – придурку к выходным ещё нужно будет собрать себя по кусочкам.

– Демид и Агнесса Бельские тоже обещали прийти, – намёк улавливаю на лету, вот только обрадовать отца нечем.

– Отлично! Буду паинькой! Даже побреюсь ради такого случая.

– Ян! – осекает батя. – Не ёрничай! Мы с Ириной уверены, что лучшего момента не найти: две семьи вместе, приятная атмосфера... Пора взрослеть, сын!

– Ок, – усмехаюсь своему искорёженному отражению. – Буду занудно рассуждать о политике и хаять молодёжь. Что там ещё взрослые делают?

– Ты прекрасно понял о чём речь, Ян! К чему эти выпады? – терпение бати трещит по швам, а голос надрывно дребезжит.

– Я не люблю её, – отвечаю честно, хотя и знаю, что отцу наплевать. Таких, как Бельская необязательно любить, главное, поскорее заключить брачный контракт.

– Люби ты кого хочешь, Ян! – подтверждает мои мысли Шахов-старший, переходя на крик. – Мы это уже обсуждали!

– Кого хочу? – раскатистый смех, едкий, нездоровый, эхом отдаётся от стен ванной. – Ты серьёзно?

– Опять ты за своё, сын? – вот и волнение в голосе старика проснулось. – Мне казалось, это всё в прошлом, разве нет?

– Иногда прошлое слишком назойливо лезет в настоящее, папа!

– Значит, плотнее закрой дверь! – рычит в трубку старик. Всесильный Олег Шахов бессилён помочь единственному сыну выкинуть из головы самую обыкновенную девчонку. – Даже думать об этом не собираюсь! Хватит! Я устал тебе объяснять...

– А я устал слушать, батя! – мне не нужно в тысячный раз напоминать, почему я не могу быть с Яной. Я и так не забываю об этом ни на минуту. – В воскресенье буду!

– Я обещаю Бельским помолвку, Ян!

– Делай что хочешь!

И снова удар. На сей раз стекло с диким грохотом осыпается на кафель, впрочем, как и вся моя жизнь.

Филатов заявляется под утро, наивно полагая, что я к этому времени остыну и забуду про выходку с Даяной. Помятый, потрёпанный, он наверняка до закрытия тусил в очередном клубе, транжиря деньги и пуская в глаза пыль случайной красотке. Фиг с ним! Лишь бы не Яне!

– О! Отелло не спится – Отелло жаждет мести, – растягивается в улыбке клоун, помогая себе одной ногой стянуть ботинок с другой.

– Тебе смешно? – сижу, раскинув руки на спинке дивана.

– Нет, Шах, не смешно! – обувь парня летит в разные стороны.

– Что это было сегодня? – перехожу сразу к делу и попутно ловлю себя на мысли, что своей манерой общения напоминаю отца.

– А, хрен его разберет, Шах! – Саня пожимает плечами и заваливается рядом. – Сам знаешь, я порой гонюсь за мимолётным порывом, а потом дико сожалею о этом.

– Так значит, Даяна в твоих руках была лишь порывом?

– Порыв, бунт, желание тебя позлить, – голова Филатова запрокинута к потолку, а поза расслаблена. – Я и сам не ожидал, что девчонка свалится на мою голову. Её Марк вместо Зюзева к нам с Гошей прикрепил.

– Так ты на радостях, что от Зюзи отделался, лапы свои распустил? – смотрю на него пристально и понять не могу, что меня сейчас бесит в Филе больше: что прикасался к Яне, или что списывает её в утиль так запросто, как какую-то дешёвку.

– Нормальная она, Шах! – Фил резко поднимается с дивана, не выдерживая моего взгляда. – Нормальная!

– Я разве спорю! – в груди снова начинает колоть. Дьявол! Гнусная неизбежная ревность! Её я боялся больше всего на свете!

– Тогда какого чёрта? – взрывается парень. – Оставь её, а?

– Кому? Тебе? – встаю следом, мне всё-таки придётся надрать гадёнышу зад.

– Мне-то она на что сдалась?! – психует Филатов, остужая мой пыл. Резким движением Саня хватает с полки стакан и нетерпеливо наполняет его водой из фильтра.

Ухмыляюсь, нервно потирая ладонями лицо. Пусть ненавидит, насмехается, обходит стороной, только не смотрит на

Яну моими глазами. Иначе однозначно сойду с ума. Хотя нет, давно уже сошёл!

– Шах, эта дурацкая работа – предел её мечтаний! – Фил залпом осушает стакан. – У неё глаза горят, когда говорит о ней или об учёбе своей. А одежду её видел? Свитер этот в катышках. Кошелёк тощий и потрёпанный...

– На жалость давишь? – качаю головой. Лучше даже не думать, как далеко зашло их общение и когда Фил всё это успел разглядеть?

– Даже не начинал, – проходит мимо, в направлении своей комнаты. – Знаю, что бесполезно!

– Бесполезно, Фил! – повторяю за ним, чтобы даже не думал сомневаться в этом.

– В пятницу у нас конференция, – сделав ещё пару шагов, Саня внезапно останавливается, но на меня не смотрит. – Не придёт Даяна – влетит мне. Поэтому с Борзым договорился на субботу: вылетит твоя Даяна с работы, как пробка, не переживай.

Молча киваю, отчего-то совершенно не испытывая никакой радости.

– Только, Шах, – Саня всё же разворачивается в мою сторону. – Это последнее, что я делаю по твоей указке. После – мы в расчёте! Идет?

– Идёт!

Глава 8. Даяна

– Ну, давай же! Ну, пожалуйста! Милый, хороший, не подводи меня так!

Со стороны напоминаю сама себе умалишённую девицу, что наивно пытается уговорить кран в ванной, перестать издавать булькающее хрипение и наконец порадовать меня водой. В идеале – чистой и горячей. Хотя... ещё пять минут промедления и соглашусь на ржавую и холодную.

– Ну же, хватит свистеть! – в душе проклиная жэк, или кто там отвечает за нормальное водоснабжение в городских квартирах, и невольно ёжусь от холода.

Это закон подлости, не иначе! Беспросветный ливень за окном, отсутствие воды, ледяные батареи и межвузовская конференция через пару часов! Разве это справедливо?

Кутаюсь в плед и гневно выхоживаю по квартире. На ногах шерстяные носки, на голове – дурацкое гнездо из взлохмаченных волос. Сейчас понимаю: я самая настоящая идиотка! Вместо того чтобы вчера навести красоту, я до ночи штудировала свою часть доклада, а теперь кусаю локти.

– Неудивительно, Яна, что ты мозги, а не лицо проекта! – отчитываю сама себя. Я точно чокнутая!

Ещё этот дождь совершенно не вовремя зарядил! Такая была осень! Солнечная, тёплая, сухая... Нет же, нужно было небесам разреветься в самый неподходящий момент.

Отворяю дверцу старого шкафа и с отчаянием во взгляде смотрю на скромный гардероб. Мало того что на голове привет из 90-х, так ещё и все тёплые вещи словно из бабушкиного сундука. Эх, не мой сегодня день! Не мой! Между теплом и комфортом, с одной стороны, и более-менее деловым стилем, с другой, останавливаю свой выбор на белоснежной блузке с коротким рукавом и тёмно-синих брюках. Понимаю, что замёрзну. Но, в конце концов, вылечить ангину гораздо проще, чем вытравить из сознания студентов дурацкий образ лохматой девахи, выступающей перед публикой в красном растянутом свитере.

Свист чайника на кухне перекрывает раздражающие слух потуги крана. Благодарю небеса, что вчера мне хватило ума наполнить фильтр водой, жаль не до краёв. Кипятка едва достаёт на половину чашки чая и маленькую порцию овсянки из пакетика.

– Зато, Яна, ты смогла почистить зубы и умыться, – успокаиваю себя, замечая, что разбухшей каше явно недостаёт жидкости.

Глоток обжигающего чая немного расслабляет нервы, а пиликающий звук пришедшего на телефон сообщения вызывает улыбку.

Недаром говорят, что если где убыло, то в другом месте прибыло. Пусть нет воды, тепла и красивой одежды по сезону, но зато есть Маша, добрая, весёлая, внимательная, которая помнит, что сегодня для меня важный день и с раннего

утра закидывает мессенджер словами поддержки. И это при том, что сама второй день лежит в общаге с высокой температурой.

«Если наденешь свой красный балахон, пушу слух, что ты влюблена в Зюю. Не отмоешься!»

«Выгляни в окно! Думаю, Зюзев не такой и плохой вариант»

«Блузка и такси, Яна»

Киваю в ответ, воображая, что слышу командный голос Зайцевой наяву.

«Это тебя Егор чаем с малиновым вареньем отпаивает, а мне болеть нельзя».

И всё-таки Мишин не просто так бегал за своим зайчиком целый год. Уверена, это любовь! Вопреки ядовитым словам Бельской, Егор не отходит от Маши ни на шаг, ухаживая за девчонкой получше любой сиделки.

– Кстати, о котиках! – хрипит Зайцева в трубку, видимо, устав тыкать пальчиками по буквам. – Почему не сказала, что Филатов с тобой сегодня выступает?

– Так тебе вроде не до разговоров было, – хмыкаю, давясь полуготовой кашей. – Да и о чём там сообщать?

– Ну, не скажи, – задумчиво тянет Маша. – Ты же не знаешь о нём главного!

– Уверена, я спокойно обойдусь без этих знаний, – бросаю в раковину тарелку и по привычке включаю воду, но вместо живительной влаги получаю очередную порцию оглушающе-

го свиста и отборного гудения.

– Фу, – добавляет Машка. – Кому-то, похоже, ещё хуже, чем мне!

– Ага, водопроводу. Утренний сушняк, – хихикаю в трубку, оставляя кран и дальше сотрясаться в ужасающих звуках. Я всё не теряю надежды, что вода вот-вот пойдёт.

– Безобразие! – сквозь надсадный кашель возмущается подруга. – Стоит погоде ухудшиться, как коммунальщики вспоминают про свои огрехи. Короче, сочувствую! Знаешь, у нас весной тоже воду отключили. Авария какая-то была. И так неожиданно это произошло...

Мне иногда кажется, что Маша выбрала не тот факультет: её таланту непрерывной болтовни позавидовал бы любой политик или журналист.

Занимательный рассказ Зайцевой о жизни в общежитии без воды бесцеремонно прерывает звонок по второй линии. Номер неизвестный, но судя по повторяющимся семёркам на конце, принадлежит либо какой-то организации, либо не хило замороченному человеку.

– Машунь, у меня второй вызов, – извиняющимся тоном перебиваю Зайцеву. – Повеси немного, ладно?

– Не, Янусик, я лучше ещё капельку посплю, а то чувствую, опять меня накрывает, – лепечет Зайцева и отключается.

– Да, – отвечаю незнакомому абоненту и замираю в ожи-

дании разгадки. На часах начало восьмого – для рекламных звонков слишком раннее время.

– Даяна, это Саша Филатов, – приятный, бархатистый баритон ласкает слух, мигом развевая все вопросы – Ты прости, если разбудил, но дело срочное!

– Слушаю, – прячу волнение за холодом в голосе. Что могло произойти? Откуда у Фила мой номер телефона?

– Гоша – косячный косячник! Понимаешь? – судя по шуму, Филатов сейчас в пути, возможно, даже за рулём.

– Нет, – хмыкаю в ответ.

– Он время начала конференции неправильно записал, – чувствую по голосу парня, что он не шутит. – С учётом того, что нам ещё нужно собрать стенд и подготовить раздаточный материал... В общем, Даян, через сорок минут, край через час нужно быть на месте.

– Но... – вроде овсянка должна быть в желудке, но сейчас вся каша – в моей голове. Руками невольно торможу лохматые волосы, а взглядом скольжу по окну, уставшему противостоять натиску диких капель.

– Я не успею, – бормочу растерянно.

– Успеешь! Адрес диктуй, я тебя подхвачу!

Меньше, чем через десять минут, на пороге моей скромной однушки вырастает статная фигура Филатова. С аккуратно зачёсанными назад волосами, в модном пиджаке в приглушённую клетку и однотонной водолазке, он больше похож на фотомоделю, чем на обычного студента. Ладонями

приглаживаю свой беспорядок на голове, ещё больше ощущая себя «мозгами» нашего дуэта, и судорожно бегаю из стороны в сторону в попытках ничего не забыть.

– На улице прохладно, – Фил следит за моими суетливыми метаниями, привалившись к стене в прихожей. – Жакет накинь.

– Ага, – пробегая мимо, киваю. Глупо объяснять мальчику с золотой ложкой во рту, что нет у меня никакого жакета.

– Не суетись, Даян! – насмешливо щурится Филатов. – Успеем. Минут десять у тебя есть точно. Можно кофейка пока, а то я не успел позавтракать?

– Да, проходи! – на автомате снова киваю, теперь уже в сторону кухни, и продолжаю запихивать в рюкзак распечатки с докладом.

Не снимая обуви, Филатов вальяжно плетётся на кухню и по-хозяйски начинает греметь посудой.

– А что с водой? – грохочет недовольно парень, так что кран, перепугавшись его гонора, тут же замолкает.

– Ты просил кофе, вот, – ставлю перед его носом банку растворимого напитка и пожимаю плечами. – Про воду ты не спрашивал.

– Поехали, злюка, – Фил недоверчиво ещё несколько раз дёргает кран, а потом улыбается, нарочито приостанавливая взгляд на моей причёске. – Всё с тобой понятно!

Салон автомобиля Филатова поражает сдержанной эстетикой и невообразимым функционалом, многообразием

кнопочек и огоньков напоминая кабину пилота в самолёте. Аккуратно, чтобы ненароком ничего лишнего не задеть, занимаю пассажирское сидение рядом с водителем и сразу пристёгиваюсь. Немыслимое волнение моментально сдавливает сознание, стоит мощному мотору авто приглушённо заурчать. Непроизвольно сжимаю в руках рюкзак и, отвернувшись к окну, закрываю глаза.

– Чувствую: с ветерком ты кататься не любишь, – хмыкает Фил, трогаясь с места.

– Не люблю.

– Я тоже, – немало удивляет парень, вынуждая открыть глаза и повернуться к нему. – Отец разбился в аварии много лет назад.

– Мой тоже, – еле слышно добавляю, ощущая, как липкий страх медленно начинает испаряться.

– Ты так и не надела ничего тёплого, – ловко меняет тему Фил.

– Ой, забыла! – старательно изображаю сожаление и, кажется, парень верит.

Остаток пути проходит в тишине. Фил сосредоточенно следит за дорогой, я про себя повторяю до дыр заученный доклад.

– Простите! Простите! Простите! – с порога на нас набрасывается Гоша. Готова поспорить, парень, как и я, бегал утром с пеной у рта, чтобы приехать вовремя. Взъерошенный, нахохлившийся, он напоминает мне гордого воробыш-

ка. – Всё готово! Пошлите докажем всем, что круче нас только горы!

Наше с Филом выступление проходит на ура: я умудряюсь ни разу не сбиться, а Саша с лёгкостью отвечает на каверзные вопросы собравшихся. Вот что значит хорошая подготовка!

– У тебя мобильный на сироп исходит, – ворчит Гоша и тут же суёт мне в руки мой же без умолку вибрирующий смартфон. – Фил, восьмой слайд заело, заметил? Говорил же, что слишком вы утяжелили его картинками. Никогда не слушаете меня!

– Нормально всё, Гошаня, – отмахивается Фил. – Отстрелялись и ладно! Всё равно никто твой слайд не заметил. Да-яна, всё нормально? На тебе лица нет!

– Я, кажется, соседей затопила, – испуганно сообщаю то, о чём только что мне в весьма грубой форме проорали из динамика телефона. – Точнее, продолжаю топить. Мне нужно домой.

– Поехали скорее, горе ты луковое!

Не успевает Филатов затормозить возле моего подъезда, как оголтелая я выскакиваю под дождь и несусь к себе, словно минута-другая способны предотвратить потоп. Ступени тают под ногами, а недовольное рычание пострадавшей соседки, помноженное на подъездное эхо, гулом отдаётся от стен.

– Явилась, дрянь ты такая! – причитает пожилая женщина

во фланелевом халате в голубой цветочек, пуская взглядом молнии в мою сторону. – Вот же свалилась на мою седую голову безмозглая девица! Месяца не прошло, как потолок побелила, и всё коту под хвост! Откуда ты такая, бедовая, взялась только?

– Простите! – бормочу, виновато потупив взор. Вместо того чтобы начать защищаться, впадаю в ступор. Ненавижу, когда на меня повышают голос. Я виновата! И даже не думаю оправдываться. Но зачем так орать на весь подъезд?

– Чего стоишь – глазёнками хлопаешь? Дверь открывай, ворона ты этакая! – машет руками соседка.

– Ага, – растерянно киваю и резко стаскиваю с плеча рюкзак. Вот только нащупать брелок никак не получается. Под взором старой гримзы, руки совершенно не хотят меня слушаться, да и ключи боязливо ускользают.

– Шевелись, милая! Шевелись! Пока ты резину тянешь, счёт за ремонт растёт в геометрической прогрессии, – неужели она не понимает, что от её панических нападков в мою сторону, я начинаю соображать всё хуже и хуже. – Благодарю Бога, что слесарь задерживается, а то вынесли бы уже твою дверь к чертям собачьим!

– Я сейчас. Сейчас. Просто утром воды не было, – проклятые слёзы щекочут горло. – Видимо, кран не закрыла.

Стоит нащупать среди наспех скинутых в рюкзак бумаг ключи, как они тут же, звонко брякая, выпадают из рук. Я и правда ворона!

– Господи! – взывает пенсионерка. – Да за что же мне такое наказание-то?

Рюкзак приземляется на пол, сама же дрожащей рукой тянусь за связкой с ключами, что вальяжно развалились на резиновом коврикe. Правда уверенная ладонь Филатова меня опережает.

– Кто это? – шепчет на ухо, быстро поднимая ключи и заодно меня.

– Пострадавшая сторона, –жимаю плечами, не понимая, что Фил здесь позабыл. Я была уверена, что парень давно уехал по своим делам, ещё и счёл меня неблагодарной особой, что даже спасибо не соизволила сказать, выбежав из салона авто.

– Значит так, пострадавшая сторона, – Саша выпрямляется и показательно вкладывает ключи в мою ладонь, правда, при этом взглядом председателя совхоза, деловым и серьёзным, кивает даме в халате. – Воду перекрыли?

– Молодой человек, – соседка с укоризной качает головой. – За кого вы меня принимаете? Я первым делом аварийку вызвала. Только толку-то? Они воду по стояку перекрыли, так у этой, – морщинистая ладонь, увешанная массивными кольцами с самоцветами, бесцеремонно упирается в моё плечо, – с пола течёт. Сколько там скопилось за это время!

– Эту зовут Даяна!

Под пристальным взглядом Фила женщина слегка теряет-ся и даже убирает от меня руки.

– Мы сейчас с вами идём оценивать ущерб,— прихватив пенсионерку под локоть, Филатов подталкивает её к лестнице. – А Даяна пока начнёт уборку.

– Тогда за Петровичем пошли зайдём в 45-ую. Он мне потолок белил, вот пусть и убытки реальные озвучит, а то знаю вас, молодых! Только и ищите, кого обмануть!

– Ну, если белил, то идёмте, – Саша с сочувствующим видом пропускает пенсионерку вперёд и, подмигнув мне, следует за ней.

– Ты, милоч, просто не знаешь, какие у Петровича золотые руки... – женский голос становится всё тише, а мне – всё легче дышать.

Стоит причитаниям и вовсе стихнуть, как тут же открываю входную дверь и, наспех скинув балетки, бегу на кухню, сейчас больше напоминающую огромный пруд. А виной всему маленькая тарелочка из-под овсяной каши, перекрывшая слив, и моя невнимательность.

Как заведённая, собираю с пола воду, беспрестанно выжимая тряпку над ведром, но чёртова лужа ни в какую не хочет уменьшаться, тонкими ручейками вытекая из-под кухонного гарнитура. Даже страшно представить, в какую копейчку мне встанет восстановление чужого имущества, да и своего тоже.

– Ого, какой вид для моих уставших глаз, – усмехается за спиной Филатов.

Пока усердно вытирала пол, не заметила его вторжения в свою квартиру, а потому встретила гостя высоко поднятой

пятой точкой.

– Как смешно!

Моментально встаю и поворачиваюсь к парню с тряпкой в руках. Сама вся взъерошенная и взмокшая, да и с рук безбожно течёт – видок ещё тот. И судя по насмешливому взгляду Фила, он его оценил. Смотрит в упор, глаза прищурены, улыбка на половину лица, и совершенно точно придумывает что бы такое сказать, дабы в очередной раз вогнать меня в краску.

– Между прочим, это ты во всём виноват! – опережаю Филатова. – Приспичило тебе кофе с утра?

– Так я с себя вины и не снимаю!

Саша скидывает пиджак и закатывает рукава водолазки, а после и вовсе резким движением вырывает из рук тряпку и начинает помогать.

– Что там у соседки? – спрашиваю боязливо.

– Печально всё, – ведет плечами, отжимая очередную порцию воды.

– Вот же чёрт! – внутри обрывается последняя надежда. Если даже по меркам Филатова всё печально, то работать мне на возмещение ущерба предстоит не один месяц.

– Петрович этот упёртый оказался, – вздыхает Саша. Не знаю как, но собирать воду с пола ему удаётся гораздо эффективнее. – Я ему одно – он всё на своём: заново белить, заново белить! Вот скажи, Даяна, кто в наше время белит потолки? Это же прошлый век!

– Да пусть хоть цветочки рисует, – потерянно шепчу. – Сколько он насчитал?

– Копейки, не бери в голову! – отмахивается Фил.

– Ты же сказал, что всё печально, – понимаю, что представление о "копейках" у нас с Филом разнится.

– Это да! Живёт Зинаида Захаровна печально! Совсем одна. Даже кошек и тех нет. Да ещё Петрович этот угрюмый со своей побелкой. Ты бы его видела, Даян! Без слёз не взглянешь!

– Филатов! – почти кричу. – Сколько я ей должна за ремонт?

– Нисколько, – Саша с гордостью отжимает последние капли в ведро и встревоженно озирается: – А где теперь руки мыть? Воду-то опять отключили!

– Саш, я серьёзно! – протягиваю парню упаковку влажных салфеток.

– Я тоже, – Фил смотрит на свои руки, явно сожалея, что ввязался в уборку.

– Ты что заплатил? – помогаю выудить несколько салфеток, а из шкафчика достаю чистое полотенце.

– Даяна, да что там платить? Я же говорю, не удалось уговорить Петровича на подвесной потолок.

– Скажи сколько – я отдам!

– Я не возьму с тебя денег. Тем более, это же я кран не закрыл.

Филатов кладёт на стол салфетки и так же резко, как при-

ступил к уборке, уходит с кухни.

– А я не позволю за себя платить! – почти бегу за парнем, нагоняя его в прихожей. – Со своими долгами я привыкла рассчитывать самостоятельно! Сколько я должна?

Но Филатов молчит. Как-то странно смотрит на меня исподлобья и молчит. Тогда срываюсь в комнату и из шкаτούлки на комод достаю всё, что есть. Я откладывала на зимний пуховик, но до морозов ещё успею заработать.

– Вот держи! – протягиваю парню купюры.

– Убери! – Фил морщится, словно я вместо денег ему гнилой помидор предлагаю.

– Если тут недостаточно, скажи, я найду ещё! Не переживай! Я всё отдам! – упорно стою на своём. Хуже нет ощущать себя должной кому-то.

– Хочешь рассчитаться? – внезапно на лице Филадельфия вновь расцветает улыбка, а в глазах загорается хитрющий огонёк.

– Да! – уверенности в голосе тут же становится меньше. Парень точно что-то задумал, и сомневаюсь, что его предложение мне придётся по душе.

– Тогда помоги мне! – просит Фил. – Баш на баш, как говорится!

– Что я могу? – взгляд парня настораживает до чёртиков, но в моём положении отступать не приходится.

– Я в воскресенье обещал присутствовать на семейном ужине, – как ни в чём не бывало начинает Филатов, накидывая на плечи пиджак. – Если снова приду один, мать точ-

но удар хватит. Она уже, грешным делом, начинает подозревать, что я того... не совсем нормальный.

– А ты нормальный? – на свою беду, пискляво перебиваю парня. Вот мне не всё равно, кто на уме у этого избалованного мажора. Девочки, мальчики, зайчики – какая мне разница?

Фил замирает от моего замечания и, склонив голову набок, очаровательно так улыбается, что начинаю понимать половину универа, безнадёжно влюблённую в этого красавчика. И пока я смущенно таю под его взглядом, Саша внезапно притягивает меня к себе. Резко. Настойчиво. Слишком близко. Всё происходит настолько неожиданно и быстро, что не успеваю даже пискнуть. Зато ощущаю, как его нос бегло скользит по моей щеке и замирает возле уха.

– Не вынуждай доказывать, Даяна! – шепчет вкрадчиво, парализуя сознание.

– Ладно, верю! – вскрикиваю, как можно громче, чтобы Фил остановился, а потом чуть мягче прошу: – Отойди, пожалуйста!

– Ну так что, выручишь? – парень мгновенно отступает и выпускает меня из кольца своих рук. Голос задорный, беззаботный, мягкий, будто сейчас передо мной совсем другой человек.

– Посмотри на меня, Филатов, и на себя, – на всякий случай отступаю. – Ни один нормальный человек не поверит, что мы вместе.

Глупая, абсурдная просьба! Уверена, Саша прямо сейчас обратит её в шутку и выберет деньги, которые я всё ещё сжигаю в кулаке.

— За это не переживай! — опять этот странный блеск в голубых глазах. — В нашем доме нормальных нет. Даже брат и тот в последнее время чудит не по-детски. Соглашайся, Даяна! Обещаю, будет весело!

— Ты же отказалась, да? — не своим голоском пищит в трубку Маша, стоит мне завершить пересказ вчерашних событий. Дурацкий потоп напрочь перепутал все мои планы: провозившись с уборкой, как угорелая побежала на работу, позабыв дома мобильный, и всё равно опоздала на смену, получив грозное предупреждение от управляющего. Вот и сейчас, уловив минутку, пока рядом никого нет, на свой страх и риск звоню Зайцевой.

— Конечно! — спешу успокоить переживательную подругу. — Деньги, правда, Филатов так и не взял.

— Зачем ему твои деньги? Не смей! — представляю, как Машка качает головой. — Уверена, он за ночь в клубе оставляет гораздо больше.

— И всё же, — перехватываю трубку к другому уху, настоженно озираясь по сторонам: очередное замечание может стать последним. — До его денег мне дела нет, но сейчас я чувствую себя обязанной, что ли. И это бесит, понимаешь?

— Не выдумывай, Яна! Он просто возместил ущерб, который сам и нанёс. Но требовать явиться с ним на семейный

ужин – это перебор! Вот засранец! И чего только добивался? Наверняка хотел...

– Он не требовал, – шёпотом заступаюсь за Филатова, перебив Машу. – И вообще, Фил вполне адекватный, хоть и мажор.

– Боже, Яна, ты себя слышишь? – взрывается Зайцева, а мне не по душе, что Машка, не зная толком человека, в который раз так остро реагирует на Сашу. – Мажор – не мажор – какая разница? Он же...

– Яна! – строгий голос Светочки, старшего администратора, вынуждает резко сбросить вызов. Надеюсь, Зайцева всё поймёт правильно! – Жданов нигде здесь не оставлял свой абонемент? Опять потерял, представляешь?

– Угу, – киваю, а потом, уловив суть вопроса, начинаю мотать головой: – Точнее, нет, не оставлял!

Кто такой Жданов, к слову, я даже не могу вспомнить. А под колким взглядом Светочки и вовсе путаюсь в мыслях.

– Жаль, – девушка перебирает ноготочками с французским маникюром по стойке, из-за которой выглядываю огромными перепуганными глазами. – Ладно, Яна, спасибо. Буду дальше искать!

Светочка, артистично вздохнув, удаляется, а потихоньку начинаю приходить в себя. Вот же, дёрнуло набрать Зайцеву посреди рабочей смены. Хотя, с другой стороны, вечер субботы – самое тихое время в «Мяте». Сейчас в зале человека два тягают железо, ещё парочка зависает на беговых до-

рожках. Все групповые занятия давно закончились, а новые клиенты предпочитают посещать наш клуб в дневное время. Тишина и покой!

Моё рабочее место на втором этаже. Всё, что от меня требуется – следить за раздевалками и выдавать полотенца. Это Светочка, на первом, занимается оформлением абонементов, денежными расчётами и расписанием. Я же так, наподхвате: принеси, подай, улыбнись. Впрочем, и зарабатываю я в разы меньше, зато, когда никого нет, успеваю читать конспекты и готовиться к семинарам. А вот Светочке не забалуешь! Поскольку она отвечает за кассу, управляющий установил видеокамеру, откровенно следящую за каждым её шагом.

Не успеваю нормально вздохнуть, как на пороге снова появляется кукольная мордашка Светы.

– Яночка, – на удивление ласково и участливо тянет лиса, – не хочешь кофейку? Посетителей почти нет, так что, уверена, мы заслужили минутку отдыха.

От удивления пожимаю плечами: никогда до этого пить кофе в компании Светочки мне не приходилось. Да и вообще, я для неё – пустое место, бездельница, получившая эту работу по блату.

– Ну что ты так смотришь, глупенькая? Думаешь, я стерва? Невзлюбила тебя? Всё не так! Просто за место держусь, а потому и играю роль грозного администратора. Ну, мир?

Светочка смотрит прямо в душу, так пристально и искрен-

не, а ещё и ручку протягивает, мол, мы же подруги? Оклнчательно теряюсь и робко улыбаюсь: делить нам нечего, а хорошие отношения с коллегами не помешают.

Светочка заваривает во френч-прессе ароматный напиток и разливает по чашечкам, попутно болтая на отвлечённые темы. Постепенно волнение сходит на нет, а внимание при-тупляется.

– А я, кажется, наконец встретила мужчину своей мечты, – шелестит девушка, делая аккуратный глоток горячего кофе. – Молодой, красивый, обеспеченный. Папа у него важная шишка. И тачка такая навороченная... А главное, он без ума от меня!

– Здорово, – киваю, двумя руками вцепившись в чашку. Откровения Светочки не кажутся мне уместными, но сказать ей об этом не решаюсь.

– А какие у него глаза, – томно вздыхает та. – Настоящие океаны! А улыбка? Боже, голливудские актёры нервно курят в сторонке.

– Супер. Рада за тебя.

– А я-то как рада, – мурлычет Светочка. – Вот только одна маленькая незадача: Борюся меня сегодня в клуб позвал, с друзьями познакомиться хотел, а я тут, с тобой, с абонемен-тами этими сижу.

– Недолго осталось, – бросаю взгляд на часы. Сейчас начало девятого, а фитнес-центр работает до десяти.

– Скажешь тоже, – фыркает недовольно начальница. – Я

же не могу вот так, в таком виде, заявиться в клуб! Нужно и приодеться, и макияж обновить, да и причёску тоже. Яночка, может, договоримся?

– О чём? – смотрю на девушку непонимающе.

– Кассу я сдала, всё закрыла, расписание на столе, даже абонемент Жданова нашла. Всё, что нужно, это проводить последних гостей, да здание поставить на сигнализацию. Ты же умеешь?

– Умею, но...

– Ну, пожалуйста! Ну, Яночка! – перебивает меня нагло. – А я должна буду! Мишане ничего не расскажу!

– Ты о чём? – с силой сжимаю чашку в руках, ощущая всю горечь напитка на языке.

– О болтовне твоей по телефону, да о конспектах. Думаешь, не вижу ничего? – стреляет глазками Светочка как ни в чём не бывало. – А так и тебе хорошо, и мне помощь?

Хочу сказать, что это не помощь, а самый настоящий шантаж, да только проблемы с управляющим после вчерашнего выговора мне совсем ни к чему. А потому киваю, отвернувшись к тёмному окну: смотреть на девицу не хочется совершенно.

– Вот и замечательно. Тогда я побежала! Спасибо, солнышко!

Уже через несколько минут я остаюсь за главную. Постепенно даже те немногие посетители, что решили посвятить вечер субботы спорту, начинают расходиться. С улыб-

кой провожаю их и даже где-то глубоко в душе радуюсь, что осталась одна. Ощущение свободы и какой-никакой собственной значимости немного окрыляет. Поэтому, когда на экране телефона высвечивается номер Светочки, лёгкость на душе моментально испаряется.

– Яна! Яна! Выручай! – дребезжит в трубке писклявым голосом та. – Я в лифте застряла, прелставляешь? Все планы коту под хвост!

– Что я могу? – едва сдерживаю смешок, совершенно не испытывая жалости к шантажистке.

– Да мне бы Борюсю предупредить, понимаешь? Он же подумает, что я просто не пришла! Что мне всё равно! Другую себе найдёт! А я тут, в этом дурацком лифте, – всхлипывает Светочка.

– А я-то что могу? Позвони ему.

– В этом и проблема. Я номер его не помню, – почти рыдает в трубку. – Я его визитку на работе оставила. Под кассой. Посмотри, Яна, пожалуйста!

– Под кассой? – ловлю себя на мысли, что место для хранения номера телефона любимого человека слишком странное, но вспоминаю, что и Светочка не от мира сего, и мигом сбегая по лестнице, включаю свет и без задней мысли тянусь к кассе. Вот только, где не ищу заветный номер, ничего не могу найти. Точнее, натываюсь на ключи от кассы, какие-то магнетики и записульки, но вот визитки Борюсика здесь никакой нет. Светочка в расстроенных чувствах от-

ключается, а я взглядом зацепляюсь за красный огонёк видеокамеры, что равнодушно следит за каждым шагом. Про себя отмечаю, что со стороны моя суета возле кассы выглядит подозрительно, но тут же успокаиваюсь: на ровном месте никто не станет просматривать записи, а, значит, и мне ничего не грозит. Уже хочу подняться к себе, но внезапно в помещение фитнес-центра заваливается пузатый мужичок в запотевших с улицы очках.

– Успел! – хлопает себя по бокам и радостно семенит ко мне. – Я Жданов!

– Добрый вечер! – по привычке приветливо улыбаюсь.

– Добрый! Добрый! Вот! – мужчина протягивает мне несколько крупных купюр и чего-то ждёт.

– Я за абонементом! – поясняет, заметив мой растерянный взгляд. – Светлана сказала завтра зайти, но мне завтра некогда. Я уезжаю. Вот, успел сегодня. Ну же, деточка, соберитесь! Я Жданов!

– Да-да, – суетливо осматриваю рабочее место напарницы. Жданов. Абонемент. Я что-то слышала об этом в трели Светочкиной болтовни за чашкой кофе. – А вот и он!

Радостно хватаю со стола пластиковую карту допуска в тренажёрный зал с прикрепленной на скотч бумажкой с расписанием и суммой к оплате.

– У вас без сдачи не будет? – вежливо уточняю. Сумма на бумажке значительно меньше той, что протягивает Жданов. – Светлана кассу уже закрыла.

– Могу и кредиткой, – кивает мужчина. – Только чуточку быстрее, милая, прошу!

– Кредиткой? – закусываю губу.

Компьютер Светы давно отключён, пользоваться программой для учёта поступлений я не умею, а иначе провести банковскую карту через терминал невозможно. Да и Света, как назло, не подходит к телефону.

– Нет, лучше наличные! Я сейчас сдам! – бормочу клиенту, а сама борюсь с подступающей к горлу паникой. Надо что-то делать! Иначе недовольный клиент обязательно пожалуется, и прощай работа!

Выхватываю у Жданова деньги и нащупываю ключик от кассы, что так кстати попался мне недавно на глаза.

– Одну минутку! – улыбаюсь мужчине, а сама неумело поворачиваю тот в замочной скважине. – Вы не против, если чек вам Светлана распечатает чуть позже?

Решаю, что только вложу деньги Жданова в кассу и отдам сдачу, а завтра Светочка по-своему всё проведёт и запишет.

– Это вы уже сами решайте! Мне бы абонемент поскорее забрать!

– Да, конечно, – киваю китайским болванчиком, наконец отперев отсек с деньгами. – Ой!

Ноги вмиг становятся ватными, а грудную клетку сдавливает в тисках: там, где обычно лежат деньги, сейчас нет ни копейки.

– Что «ой», милая? Что? – поторапливает Жданов.

– Мне вам не сдать, – отвечаю дрожащим голосом. – Берите абонемент так, а потом занесёте деньги. Хорошо?

– Нет, радость моя! Я потом забуду! Давай сделаем наоборот: я оставляю чуть больше, а как приду на тренировку, вы мне сдачу вернёте. Договорились?

– Да, спасибо! – протягиваю абонемент мужчине и, едва держась на ногах, провожаю его грузную фигуру взглядом.

А потом, стоит входной двери закрыться, нахожу кассовую книгу и судорожно выискиваю сегодняшнюю дату. В глазах рябит, цифры и буквы разбегаются в разные стороны, но всё же в нужном столбике нахожу запись с указанием выручки за день и тихо стону. Сумма с четырьмя нолями откровенно спорит с пустой кассой, а огонёк камеры, ритмично мигая в углу, намекает, что нет никакого Борюси и визитки, сломанного лифта и клуба, а нечаянное кофе с притворными улыбками Светочки не что иное, как подстава. А я, глупая и наивная, попалась и сейчас, как бы ни старалась, никому и ничего не смогу доказать.

Глава 9. Фил

Монотонная музыка бьёт по ушам. Мимо снуют знакомые и не очень лица. Откинувшись на спинку кожаного дивана, смотрю в пустоту. Суета вокруг осточертела, как и смех со всех щелей. А ещё надоело притворяться, что находиться здесь мне в кайф. Я даже толком не знаю именинника, который снял этот пафосный клуб, чтобы пустить окружающим пыль в глаза, отмечая своё двадцатилетие. Мурат или Марат, неважно. Парень так ратовал за то, чтобы мы с Шахом пришли на его днюху, что подгадал под нас время тусовки. Пожалуй, я впервые устал от ночного клуба раньше, чем наступила ночь.

– Боже, Борюся, здесь так клёво!– очередная пустышка подаёт голос. Писклявый, слащавый, наигранный. Не знаю, откуда Борзый притащил эту куклу, но она явно не вписывается в нашу компанию. Слишком тупая! Чересчур вульгарная! А ещё наглая! На её фоне Бельская – ангел во плоти.

– Всё для тебя, детка,– бросает равнодушно Боря, взглядом провожая парочку длинноногих девиц, что уже по второму кругу гарцуют мимо нашего столика. Правда, спутница Борзого не видит ни черта дальше своего напудренного носа. Да и хрен с ней. В любом случае завтра на её месте будет другая.

Перевожу взгляд на Шаха. Брат, как и я напряжён. И даже

Бельская под боком сегодня бессильна его оживить. Блондинка привычно льнёт к груди парня, перебирает пальчиками по его рубашке, масляно воркует о чём-то на ушко, почти не надует свои пухлые губки и даже не морщит носик от обидных шуток Бори. Вот только не думаю, что Бельскую всё устраивает. Нет! Какой бы наивной дурочкой она ни пыталась казаться, Диана – отменная стерва, с просчитанными наперёд шагами к цели. И сегодня её цель – Шах! Уверен, своим обманчиво покорным и тихим поведением она просто опасается его спугнуть: как ни крути, а завтра Яну предстоит важный шаг – просить руки своей приторной блондинки у самого Демида Бельского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.